

НЕВЕСТА ВЕЧНОСТИ

по следам
громких дел

ТАТЬЯНА СТЕПАНОВА

Татьяна Степанова

Невеста вечности

«ЭКСМО»

2014

Степанова Т. Ю.

Невеста вечности / Т. Ю. Степанова — «Эксмо», 2014

ISBN 978-5-699-75077-1

Часовня утопала в белых цветах. У стен похоронные венки. На полу разбросаны увядшие розы и лилии. И будто мираж на фоне стены, постамент из черного полированного дерева. А на нем скелет в подвенечном белом платье, украшенный золотом – десятки цепочек, перстни, браслеты, часы на костлявых руках... Череп с пустыми глазницами... Коса в руке, лишенной плоти. В первое мгновение, увидев эту странную фигуру, капитан полиции Екатерина Петровская подумала: это какой-то фокус, перфоманс... Но потом дикая тревога сжала ей сердце. Голова закружилась от духоты, от запаха мертвых цветов, от горячего воска. Чтобы не упасть, она вцепилась в руку следователя Страшила. Куда завело их такое, казалось бы, простое дело об убийстве пенсионера Ильи Уфимцева?.. Что же произошло в доме старика Уфимцева, бывшего партийного функционера, читавшего на склоне лет Библию и общавшегося с монахинями ближайшего монастыря?..

ISBN 978-5-699-75077-1

© Степанова Т. Ю., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	22
Глава 8	27
Глава 9	30
Глава 10	32
Глава 11	34
Глава 12	39
Глава 13	45
Глава 14	48
Глава 15	50
Глава 16	52
Глава 17	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Татьяна Степанова

Невеста вечности

© Степанова Т. Ю., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Глава 1

Лишенное плоти

2 августа 1982

Зной... небывалый зной... День такой жаркий, что, кажется, асфальт плавится под ногами. На автобусной остановке совсем нет тени. И автобуса тоже нет, а время не ждет.

Майор ОБХСС Надежда Крылова редко носила форму – специфика работы такая в службе отдела по борьбе с хищениями, что лучше одеваться в штатское. Вот и сейчас на ней яркий цветастый сарафан. Чем не дачница, отправившаяся в такую жару, в самое пекло, на автобусе бог весть куда по каким-то делам.

Дела были такие, что ни ждать, ни медлить не могли.

Солнце жарило немилосердно, и кожа на плечах сильно покраснела, начала гореть. Покраснели щеки и лоб. Надежда Крылова пожалела, что не надела на голову панаму. Хотя на ответственное служебное задание – и в пляжной панаме... Но сейчас она была готова накинуть на голову что угодно – носовой платок, завязанный «уголками», сделанный из газеты «кораблик», который почему-то так любят работяги-маляры.

От яркого солнца хотелось закрыть глаза. Она забыла свои дешевые солнечные очки в ящике стола в кабинете. Она ведь собиралась идти на обед в заводскую столовую, как вдруг произошло то, чего она так долго ждала. Ради чего и была откомандирована из министерства сюда, в Подмоскowie, в местный ОВД.

Агент Целковый – таков был его оперативный псевдоним, глуповатый, но весьма точно характеризующий этого типа, – подошел к ней среди бела дня в нарушение всех правил на улице и сказал, что он только что узнал... «Сегодня в Каблуково... хотят ставить клейма на всю партию. Там подпольный цех. Курьер со всей партией приедет на своей машине. Говорят, везет два чемодана. Клейма будут ставить всю ночь. Это работа ювелирная».

Надежда Крылова, забыв про обед, сразу повернула назад – первым делом в дежурную часть срочно попросить машину до Каблуково.

Однако дежурный ответил отказом – какая машина, все на выезде, у нас кража в микрорайоне и еще две машины задействованы на охране порядка, сегодня же День ВДВ, сами понимаете – выпивать будут сильно, гулять допоздна и в речке Соловьевке купаться.

Тогда она решила зайти к замначальника ОВД, но тот, по словам дежурного, тоже только что уехал обедать.

Молодой дежурный смотрел на нее с прищуром, с любопытством – надо же, какая делопутка из министерства. Зачем-то к нам в ОБХСС откомандирована, с местными сотрудниками никаких контактов не поддерживает, все молчком да тишком. И внешне, прости господи, квашня квашней. Толстая, бока висят, ноги в нелепых детских белых носках и сандалиях отекли, волосы крашенные, на висках и на лбу капли пота. Дышит вон как тяжело, словно запаленная лошадь. Разве это майор полиции? Это тетка, право слово – распаренная жарой тетка, которая кажется чем-то сильно встревоженной и...

– Передайте замначальника ОВД, что я в Каблуково. Не забудьте, сразу же скажите ему, как он вернется с обеда. Пусть никуда не отлучается из отдела. Я позвоню с места.

Дежурный кивнул – конечно, передам, а про себя хмыкнул: звони, если в Каблуково телефонную будку найдешь. Там фабричные корпуса. Если только с проходной.

Надежда Крылова быстро пошла к остановке автобуса, прося у судьбы лишь одного – чтобы автобус пришел сразу. Но этого не случилось.

И вот уже сорок минут она стояла на самой жаре. Она чувствовала, что воздух, который она вдыхала, обжигал, пек ее изнутри. В виске слева появилась ноющая боль.

И тут, наконец, из августовского марева выплыл желтый «Икарус». Крылова тяжело залезла в него. Все, кто там был из пассажиров, предусмотрительно заняли места с теневой стороны. Надежда Крылова хотела сесть, но сиденье оказалось таким горячим, а в окно так жестко и страшно палило солнце, что она встала. И уцепилась за поручни.

И в эту минуту в глазах ее потемнело.

А когда тьма почти рассеялась, она увидела рядом со своей рукой на поручнях нечто – руку, лишенную плоти, кости скелета, унизанные тяжелыми золотыми перстнями, украшенные золотыми браслетами, словно наручниками, словно кандалами...

И пожелтевший лоскут белых подвенечных кружев...

И мертвый оскал...

Лицо, лишенное плоти...

И много, много, много золотых ожерелий, бус и монист на мертвых костях.

Видение... нет, галлюцинация, столь отчетливая и яркая...

Надежда Крылова судорожно вздохнула, ей показалось, что легкие отказываются принимать воздух, но нет...

Мгновение – и все прошло. Она дышит. На поручне автобуса только ее рука, ее кисть, судорожно вцепившаяся в металл. И никакой галлюцинации.

Это все зной. Жара.

Жара...

Это все жара...

Мне плохо от этой жары...

Автобус трясет...

Скоро Каблуково. Надо выходить.

Через десять минут она вышла. Остановку от фабричных корпусов отделяла лесополоса. В стороне – железнодорожная станция и склады.

Промзона. Место пустынное и уединенное. Здесь только утром и вечером – перед сменой и после смены – народ спешит на автобус и на электричку.

Агент Целковый обозначил место. Надо лишь туда дойти и понаблюдать – когда подъедет машина с курьером и чемоданы с товаром занесут внутрь, нужно бежать на проходную и звонить в ОВД, чтобы присылали оперативную группу.

Целковый правильно сказал: ставить клейма – работа ювелирная. С этим они надолго тут увязнут. И как только из ОВД приедет опергруппа, их всех возьмут с поличным. Цеховиков... курьера с чемоданами товара.

Она шла через лесополосу к цехам. И радовалась лишь одному – тут тень. Тут, под деревьями, тень. Но вот деревья кончились. Началась растрескавшаяся старая заводская бетонка.

Надежда Крылова шла и... ох, сколько раз она давала себе слово похудеть. Этот вес, этот жир... она ненавидела и проклинала его сейчас, она чувствовала, что каждый лишний килограмм, словно тяжелый неподъемный камень, давит и душит... Она же не карга старая, ей всего-то сорок лет, но что же так давит и гнетет... ноги точно свинцом налитые, и это солнце, это ужасное огненное бельмо там... там...

Она увидела бежевую «Волгу», стоявшую возле железных ворот третьего цеха. Высокий спортивного вида молодой мужчина в джинсах и белой тенниске выгружал из багажника чемоданы. Не два, а больше.

Он обернулся, и Надежда Крылова поняла, что знает его – он проходил по оперативной картотеке. Он проходил по материалам агентурной разработки и...

Еще можно было прикинуться этакой «дачницей», местной кошелкой, отправившейся по самому пеклу неизвестно по каким делам неизвестно куда и очутившейся в месте, о котором знать посторонним не следовало.

Надежда Крылова двинулась вперед прямо к «Волге». Мужчина в тенниске медленно закрыл багажник. Он весь напрягся.

И в это мгновение словно что-то легко и одновременно упруго толкнуло Надежду Крылову в грудь с левой стороны. Сначала жжение, потом острая боль... Она даже не поняла, что случилось.

Последнее, что она ощутила, это *то самое* – *лишенное плоти, галлюцинация или явь... звон золотых монист... запах тлена...*

Боль в груди стала нестерпимой. А потом она разом прекратилась. Все, все оборвалось. Ни боли, ни страха, ни плоти, ни золота – только тьма.

Глава 2

Остров уединения

Наши дни

Цени каждый день, посланный тебе, цени каждый новый день, что живешь. Это – сокровище невозполнимое, это редкий подарок. Цени и наслаждайся по мере сил, если есть еще в тебе способность к наслаждению, потому что каждому положен свой срок. И впереди только старость и смерть.

Илья Ильич Уфимцев тяжело, с усилием, поднялся с кресла, где читал и размышлял, как обычно после завтрака, и подошел к окну. Дождь за окном – октябрьский дождь, унылый, как слезы.

В комнате горела настольная лампа, и свет ее, желтый и тусклый, резко контрастировал с дневными дождливыми сумерками. Илья Ильич постоял у окна, глядя на мокрый, залитый водой сад – золото и багрянец листвы, запертая калитка, заваленная палыми листьями садовая дорожка. В свои бодрые дни он еще брал в руки грабли и убирался в саду. Но сейчас эта октябрьская сырость доконала его – к семидесяти семи годам собран целый букет хронических болезней. Артрит всегда обострялся и мучил его осенью и весной.

Илья Ильич медленно поплелся на кухню. Открыл холодильник, достал мазь для коленок и потом поискал на кухонной стойке баночку с таблетками – столько лекарств, столько лекарств куплено. Он уж начал путаться в них – какие от чего, и каждый раз давал себе слово завести отдельный блокнот с подробным описанием, какие таблетки когда и от чего принимать.

Но затем наступали бодрые дни, когда хорошее самочувствие к нему возвращалось, и он забывал о фармацевтическом блокноте. Честно говоря, он ненавидел таблетки. Да и врачей тоже. Они ничего не понимали. По его мнению, они все бестолочи и троечники.

Но сегодня он принял лекарство, чтобы боль в суставах не грызла его так зло.

И снова вперился в залитое дождем кухонное окно.

Хоть бы кто-нибудь пришел.

Или хотя бы позвонил.

Одиночество...

Сейчас... вот сегодня он почти физически ощущал на себе его груз.

А ведь были времена в его жизни, когда он мечтал об уединении и покое. Всю жизнь он только работал. Постоянно занят. После похорон жены, которая умерла рано, когда сын еще учился на первом курсе, дом вообще как-то внутренне зачах, хотя внешне продолжал оставаться полной чашей.

Как давно все это было – целая вечность прошла с тех пор. И сын уже взрослый, дипломат, постоянно живет за границей.

И внучка там, в Москве...

Она не приезжает сюда. Они не виделись с ней очень давно.

Илья Ильич выпрямился. Эх... Когда долго вот так сидишь в ненастные дни дома, превращаешься в сущую развалину. Болезни, старость, одиночество... Это же не только его проблемы. У всех пожилых так. Он вдовец, да, он одинокий, старый и хворый. Но на людях...

Да, хотя бы вот тут, в их коттеджном поселке «Маяк», – когда он идет в магазин или просто совершает прогулку медленно и чинно до самой реки, – он всегда старается держаться молодцом. Высокий, худощавый, слегка сутулый, очень импозантный старик. Он всегда помнит о том, что на людях надо выглядеть пусть и не на все сто, но хотя бы на семьдесят семь. У него все есть, у него неплохая пенсия, у него хороший сын на престижной работе, у их семьи – немалые деньги. А у него есть этот замечательный двухэтажный коттедж, тут, в поселке

«Маяк», где живут люди, скажем так – не самые последние в государстве, пусть и «с прошлых времен».

И главное – он не брошен, о нем заботятся.

Ему оказывают поддержку, как в бытовом, так и в духовном плане.

А это и есть самое важное.

Не надо думать о том, сколько еще осталось жить... Это деструктивные, это контрпродуктивные мысли. Такие словечки любили когда-то выдавать в кругах, в которых он работал и общался. Эти слова хорошо применять в отношении политики или бюрократических интриг. А вот в отношении приближающегося твоего смертного часа, конца пути...

Нет, нет, нет, контрпродуктивно так думать – сколько еще отпущено тебе прожить. Но не думать об этом тоже невозможно. Потому что одиночество и старость, болезни и страх – это все там, глубоко внутри.

И даже эта толстая книга, которую он читает по совету умных верующих людей, не дает ответов. Он, Илья Ильич, в своей жизни всегда хотел и добивался конкретных и ясных ответов на конкретно поставленные вопросы о конкретных, пусть и трудновыполнимых целях. Но сейчас таких ответов он не получает. Все как-то смутно, размыто, на грани.

Они толкуют о необходимости веры. Лишь вера якобы даст ответ. И эта толстая книга.

Шаркая ногами, Илья Ильич снова вернулся в кресло под свет желтой настольной лампы.

Книга эта Библия. И надо признаться, что читает он ее порой с великим интересом. Пусть не все там и понятно.

Эти разговоры, когда они обсуждают прочитанное... Он слушает. По роду своей прежней деятельности он привык внимательно и очень въедливо слушать людей, но решал, как трактовать их слова, намерения и поступки, всегда сам. Но тут эти разговоры о духовном после чтения Библии...

Илья Ильич скользнул взглядом по стеллажам с книгами в комнате. Сколько томов... всю свою библиотеку из московской квартиры он свез сюда, в коттедж. А квартиру без книг оставил ей, внучке. Она этих книг никогда не прочтет. Он, правда, тоже не читал особо, но... эта библиотека всегда создавала настроение. Особенно полки с мемуарами. Многих, которые писали эти мемуары, он помнил и знал.

Но сейчас из всех книг его интересовала лишь эта одна. Илья Ильич уселся поудобнее в кресле, накрыл колени пледом и пролистал Библию.

Пророк Иезекииль, стих двадцать третий. Сестры Огола и Оголива, принадлежавшие Господу, но не оставшиеся ему верными.

Читая, он улыбался – они смущались, когда он затевал обсуждение двадцать третьего стиха. Они смущались и говорили – что вы, право, Илья Ильич. Женщины, они всего лишь женщины, хоть и в монашеской одежде.

Скользя взглядом по строчкам, он чутко прислушивался к шуму дождя – не раздастся ли звонок или чей-то голос окликнет с улицы, прося открыть калитку.

Нет, пожалуй, в дожде и не услышишь, а то еще и задремлешь тут в кресле. Звонок в дверь громкий, он разбудит, а вот насчет калитки...

Илья Ильич встал, решительно накинул куртку, сунул ноги в разношенные кроссовки без шнурков с открытой «липучкой», взял зонт и вышел из дома под дождь.

Он добрал до калитки и открыл щеколду. Лишь набросил сверху на створ калитки и забора специальное железное кольцо, так что все его гости могли бы открыть калитку самостоятельно и зайти в сад, чтобы уже из сада позвонить в дверь. Так он поступал и раньше. Это был своеобразный знак гостеприимства. И одновременно знак боязни одиночества.

Если что-то, не дай бог, случится – сердечный приступ там или удар... Те, кто о нем заботятся, да и вообще соседи, люди придут... найдут, помогут, вызовут «Скорую помощь». В его возрасте в таком доме нельзя забаррикадироваться, нельзя запирается на все замки.

Боязнь воров и грабителей – это одно. Но боязнь внезапного ухудшения самочувствия, боязнь смерти – это другое. Тут уж надо выбирать.

Дождь начал понемножку стихать. Небо над поселком «Маяк», утопающим в золоте и багрянце подмосковной осени, постепенно светлело.

Глава 3

Страшилин

Глазунья из трех яиц шкворчала на сковородке, пузырилась, плевалась жиром бекона, дразнила обоняние, но, увы, не радовала глаз. Вся какая-то косая, съехавшая набок.

Андрей Аркадьевич Страшилин убавил огонь на плите и тоскливым взглядом окинул кухню. Бардак...

После ухода супруги он ощущал себя на кухне в процессе готовки обеда или ужина словно на горячих углях. Вещи, которых прежде он в упор не замечал, считая само собой разумеющимися и обыденными, внезапно превращались в чудеса с нором и собственным непредсказуемым вектором поведения: молоко скисало, спагетти отчего-то не желали помещаться ни в одну из кастрюль и торчали, как спицы, из кипятка. Мясо, когда он его пытался жарить на гриле, превращалось в черный шмат не пойми чего. Духовка раскалялась, как домна. Жир постоянно заляпывал всю варочную поверхность и столешницу, и обычным туалетным мылом отмыть его было невозможно. Приходилось тащиться в хозяйственный за моющим средством. Каким?? Посудомойка выдавала после сеанса посуду не идеально чистой – например, в чашках внутри сохранялся темный налет от чая и кофе.

Яичница опять подгорела – мать ее за ногу!

Сотовый звонил.

Попугай Палыч, лысый, старый и вредный, орал, сидя на кухонном шкафу: «Не в свои сани не садись!!!»

– Не вопи под руку!

– Андрююююююшаааа!! Кррррасавец!

– Умолкни ты.

– Не в свои сани не садись!!

У попугая Палыча мозгов в крохотной башке было, наверное, столько же, сколько и у некоторых обвиняемых и подозреваемых, а также и свидетелей, которых Андрей Страшилин повидал за свою жизнь. Но вредности и стеба у попугая, а также едкого юмора было несомненно больше.

– Машка придет, заберет тебя к себе, старый предатель, – объявил попугаю Страшилин и неловким жестом перекинул яичницу со сковородки на тарелку.

Дочь Маша полгода как вышла замуж за хорошего парня и теперь, обзаведясь собственной семьей, в дела отца и матери, находящихся в разводе, не вникала принципиально. Однако попугая Палыча она пообещала забрать.

Страшилин утер пот со лба кухонным полотенцем, снял очки. Решил даже умыться тут же, на кухне, из-под крана над мойкой. Массивный, полный, двигался он по маленькой кухне как слон в посудной лавке, постоянно что-то задевая и роняя на пол – то ложку, то нож, то деревянную мешалку, а то и тарелку – бац! Вдребезги!

Он сел за стол и глянул на часы – к счастью, сегодня выходной, а насчет времени уже и не поймешь, что это у него – завтрак или обед. Два часа потратить на то, чтобы зажарить простую яичницу! Как жена все успевала? Как она со всем управлялась – с готовкой, посудомойкой, стиральной машиной, походами по магазинам, постоянным просмотром кулинарных и музыкальных передач по телевизору и бесконечной болтовней с приятельницами?

Он подцепил вилок твердый, как щепка, кусок пережаренного бекона. Попугай Палыч шумно слетел с холодильника и приземлился прямо на стол. Заплясал на коротеньких лапках:

– Палыч хочет мыться!

– Обойдешься, – отрезал Страшилин. Потом встал, открыл холодильник, достал из контейнера абрикос и порезал его на дольки. Привередливый Палыч обожал, когда его кормили фруктами с рук.

– Опять где-то нажжжжжжрррррался!!

Попугай проскрипел это голосом жены. И чуть не подавился абрикосом. От этого упрека Страшилин почувствовал, что теряет аппетит. Ну вот... Жены с ним больше нет, а все ее претензии, склоки и скандалы, как призрак, все еще витают по квартире.

Жена обвиняла его беспочвенно... нет, «почвенно», конечно, они же всегда во всем правы, эти «бывшие». Жена обвиняла его в пьянстве, в постоянном отсутствии дома (как будто он гулял или прохлаждался где-то!), в игнорировании интересов семьи и ее, жениных, нужд и чаяний. Она обвиняла его в невнимательности. И еще в двадцати двух смертных грехах.

Жена обвиняла его, как прокурор. А изменила ему с судьей. Вот правда жизни. Вот ирония судьбы. С судьей Высшего арбитражного суда – вдовцом почтенным, старше себя на двенадцать лет, жена Страшилина познакомилась в Сочи, когда поехала туда на отдых с подругами. Страшилин, как всегда, зашивался с очередным расследованием и не мог позволить себе отпуска в бархатный сезон.

И сейчас они уже развелись и делили имущество.

Попугая Палыча обещала забрать дочь, которой на их развод было наплевать.

Палыч, танцуя на лапках, подкрался близко и нежно ущипнул Страшилина за палец.

– Андррррррююююююшааа...

Страшилин почесал попугаю лысую «маковку», потянулся за пачкой сигарет и закурил. Потом достал из холодильника банку пива.

Что ж... в разводе, в новой его холостяцкой жизни есть и светлые стороны. Например, теперь можно дымить сигаретами прямо на кухне, а не бежать каждый раз, как вор, на лоджию. И пить можно...

Он открыл банку с пивом. Ледяная горькая влага... Не тот ли вкус у напитка забвения?

Глава 4

Хикикомори

Леночка – внучка Ильи Ильича Уфимцева – жила одна в большой четырехкомнатной квартире на Трубной площади. Квартира, покрытая пылью, напоминала склеп, но Леночку это волновало мало.

День Леночки начинался когда как – когда очень рано, часов в шесть утра, а когда и в два часа дня. Все зависело от того, хочет или не хочет она покидать постель, встать и тихо слоняться по просторной, гулкой, набитой вещами квартире.

Леночка не слишком вдавалась во всякие там подробности, но знала, что она – хикикомори. Это слово такое японское из Интернета, обозначающее молодых затворников в четырех стенах. Леночка на пороге своего двадцатипятилетия не любила японские термины, но любила японский зеленый чай и суши.

Все это она заказывала по Интернету. А также многое другое – продукты, бакалею, пиццу, фильмы – сплошные новинки, товары для дома, спортивную одежду и обувь – иной она уже не признавала, и многое, многое другое.

В жизни не так уж много и нужно. Если все время сидеть в четырех стенах своей старой семейной квартиры, потребности как-то снижаются. Например, напрочь из перечня необходимого вылетает косметика... А также модные тряпки... В салон красоты не пойдешь, об этом даже муторно думать. И густые длинные волосы растут сами собой, их незачем стричь. Когда летом жарко, можно собрать их в хвост резинкой и сесть под прохладный кондиционер в гостиной.

Затворников-хикикомори содержат родители. Так случилось и с Леночкой. Отец регулярно снабжал ее деньгами, раз в несколько месяцев клал на карту крупные суммы. Отца своего Леночка воспринимала нейтрально. Он всегда был далеко, в отъезде, за границей. Леночка рано лишилась матери, и ее фактически в детстве воспитывал дед Илья Ильич, потому что отец в то время работал на Ближнем Востоке в дипломатической миссии и постоянно решал какие-то сложные ближневосточные проблемы, забывая порой даже звонить в Москву.

Но потом Леночка выросла и решила жить по-своему. И какое-то время жила так. Затем грянул тот скандал в их семействе, и все изменилось.

С дедом они не виделись очень давно. Он уехал жить в их загородный дом, оставив квартиру в распоряжении Леночки.

Время шло... Сначала очень быстро, весело, в постоянном движении, потом появилось ощущение пустоты и разочарования в том, что казалось таким милым и правильным, затем грянули стрессы...

Надо же, ее парень Женька, с которым они жили так классно и планировали создать семью, оказывается, все то время обманывал Леночку с ее приятельницей, а потом и женился...

Ее даже в насмешку пригласили на свадьбу. Но она не пошла к ним. Она закрыла дверь квартиры на два замка и цепочку. И с этого момента стала этим самым хикикомори. Затворницей – на которую с любопытством и жалостью косились соседи по их престижному дому в центре столицы.

Внешний мир, а также погоду и цвет неба Леночка наблюдала теперь из окон своей квартиры.

Внешний мир ограничивался крышами соседних домов – банков, особняков, театра на Трубной площади. Звуки большого города она слышала, когда открывала окно, и они ей не нравились – уличный шум, много машин.

Погода – вещь вообще непостоянная. Смена сезонов уже не имела большого значения для Леночки: зима так зима, что ж... потом весна, лето.

Она заваривала себе зеленый чай в глиняный чайник и тупо смотрела, как падают снежинки за окном или, как вот сейчас, листья на городских тополях желтеют и жухнут. Как идет дождь в октябре.

Квартира покрывалась толстым слоем пыли и захламливалась – коробки от заказов по Интернету Леночка складывала на обе лоджии. Она помнила, что в доме есть пылесос, но никогда его не доставала. Стирала, правда, в стиральной машине – свое белье и постельное. А также поливала комнатные цветы и даже подкармливала их удобрениями, заказанными опять же через Интернет.

Нет, она не скучала в своем добровольном заключении – часто всю ночь смотрела телевизор и фильмы DVD, а также сутками торчала в Интернете. Иногда в соцсетях, но мало общалась сама, больше читала чужие комментарии и разглядывала фотки.

Мир там... там, снаружи, представлялся таким неправильным, таким несовершенным. Леночка ни в чем не видела смысла – работа... зачем ей работать? Путешествовать... это сложно, утомительно и опасно, можно все посмотреть в Интернете, что нужно.

А впрочем, ничего не нужно...

Выходила на улицу она очень редко и лишь затем, чтобы сходить в банк обналичить деньги с карточки или купить что-то в магазине, чего нельзя было заказать по Интернету.

Каждый раз она ощущала, что выйти из квартиры трудно. Она надевала худи, натягивала на голову капюшон, накидывала куртку. К банкомату вообще старалась ходить вечером или в сумерках. А в магазин рано утром – к открытию. Когда совсем мало народа.

Три месяца назад отец ее приезжал в отпуск из-за границы, и когда он переступил порог квартиры на Трубной, то испытал настоящий шок. Весь свой отпуск он провел с Леночкой, уговаривая ее образумиться. Взять себя в руки и не жить – вот так.

Леночка на это возражала – папа, я ведь жила по-другому, помнишь? Но тебе это тоже не нравилось. А дед... ты же помнишь, что тогда случилось в нашей семье... и с дедом, и со мной... Ты говорил, что это позорно и недостойно. Ты рвал и метал. Ты кричал на меня... Ты же помнишь, не забыл. И вот я стала жить по-другому – теперь вот так. И что же, тебе опять это не по вкусу?

Отпуск кончился, и отец уехал, дипломатическая служба не ждет и не прощает слабостей и сантиментов.

Но все эти месяцы он регулярно звонил, требуя, чтобы Леночка стала ходить на занятия к известному столичному психологу, которого он ей нанял для тренинга. Леночка не пошла ни на один из сеансов. И тогда отец пригрозил лишить ее денежного содержания: надо же как-то на тебя влиять! Ты деградируешь как личность!

Деградирую как личность...

Леночка смотрела на осеннее октябрьское небо и пила теплый зеленый чай. Она не воспринимала слова отца оттуда, из заграничного далека, всерьез.

Однако, когда она однажды вечером выскользнула из дома к банкомату обналичить карточку, банкомат показал, что на карте – лишь остаток, деньги от отца не пришли.

Леночка вернулась домой и, не раздеваясь, прямо в куртке и кроссовках легла на диван. Она смотрела в серый потолок на хрустальную люстру, покрытую пылью.

Хикикомори не делают ничего, их всегда кто-то содержит – родители или родственники. Это необходимое условие полного добровольного затворничества наедине с зеленым чаем и Интернетом.

Раз отец не выполняет больше этих условий, то хикикомори найдет выход из сложившейся ситуации.

У деда всегда есть деньги – там, в их загородном доме в поселке «Маяк».

Леночка даже знает, где они лежат. Дед не меняет своих привычек годами. Он закоснел в своей тупости и консерватизме.

Глава 5

Нежданное поручение

Осень... Время какое-то половинчатое, странное, полусумерки-полухмарь, косые лучи яркого солнца сквозь свинцовые тучи, брызги дождя в окно и снова яркое октябрьское солнце. Преобладание желтого цвета в палитре, и настроение от этого какое-то «желтое»: смутная тоска по ушедшему лету, холод грядущей зимы, темные вечера.

Осень Катя – Екатерина Петровская, по мужу Кравченко, капитан полиции, криминальный обозреватель пресс-центра ГУВД Московской области, – мягко сказать, не жаловала. Осенью, как никогда, ей хотелось покоя, тихих вечеров у камелька, заботы и поддержки. Но в последнее время их затянувшегося развода-неразвода с мужем Вадимом Кравченко, именуемым на домашнем жаргоне Драгоценным, ничего этого не наблюдалось.

Тихие вечера – это, правда, имелось в наличии. Скоооооолько уютно! Об остальном – покое и камельке – оставалось только мечтать.

Утром, явившись на работу в пресс-центр ГУВД, Катя первым делом включила ноутбук и по локальной сети просмотрела, как обычно, сводку происшествий за сутки. Интернет-издания жаждали новостей и сенсаций. Но сводка ничем не порадовала – кражи в Красногорске, Егорьевске, грабеж возле банкомата, несколько ДТП. Убийств нет. Есть тяжкое телесное со смертельным исходом в подмосковном поселке «Маяк».

Катя лениво скользнула взглядом по монитору – бытовуха типичная. Написано, что это разбойное нападение на коттедж, закончившееся смертью владельца. Флаг в руки уголовному розыску на раскрытие.

Она открыла другую программу и решила пошерстить собственные запасы криминальных историй из прошлого, чтобы быстренько накатать бойкую статейку с натягом на небольшую сенсацию для «Вестника Подмосковья», где она вела полосу о криминальных происшествиях.

И вдруг в кабинете пресс-центра зазвонил телефон «Коралл». Катя удивилась – обычно звонят шефу «сверху» от большого начальства. Но шеф сидит в другом кабинете, номером, что ли, ошиблись?

– Алло?

– Пресс-служба?

– Да. Вам начальника, я сейчас позову...

– Капитан Петровская?

– Да.

– Зайдите, пожалуйста, к заместителю начальника главка. Немедленно.

Катя вдохнула как можно больше воздуха в легкие. На ковер, что ли? Да вроде она ничего такого не делала и не писала ничего «вопреки». Она открыла дверь шкафа, глянула на себя в зеркало. Костюмчик деловой, брючный, сидит как надо. Она поправила волосы, достала помаду и слегка подкрасила губы.

Взяла рабочий блокнот для записей. Решила зайти к шефу – доложить, но кабинет того оказался закрытым. Тогда она отправилась на второй этаж и открыла дверь приемной заместителя начальника главка.

– Капитан Петровская по вызову.

За столом – секретарь, а не секретарша. Он кивнул на дверь – проходите. Катя вошла в кабинет. Замначальника ГУВД Горобцев – в главке недавно, назначен из министерства. Это все, что Катя знала о начальнике. Видела его пару раз на брифингах, но сама никогда никаких

вопросов ему не задавала и интервью для газет еще не брала. Не успела. Новая метла... надо сначала поглядеть, как она метет.

Горобцев, средних лет, в полицейской форме, стоял у совещательного стола.

– Капитан Петровская, – сказала Катя.

– А, очень хорошо, – он кивнул, улыбнулся тускло. Видно, чем-то сильно озабочен. – Я только что разговаривал с вашим шефом. А теперь вот с вами. Вам надо выехать на место происшествия и подключиться к работе оперативной группы.

– Понятно. А куда именно?

– Вы сегодняшнюю сводку читали уже?

– Да. Ничего такого экстраординарного для себя не отметила.

– Это очень хорошо. Так оно и должно выглядеть со стороны. Ничего экстраординарного. – Замначальника главка смотрел на Катю. – Так оно должно выглядеть и впоследствии во время следственно-оперативной работы. Весь поток информации лучше переформатировать сразу, исключив малейшие утечки данных в прессу. Все комментарии – только по окончательным результатам, когда появятся неоспоримые доказательства виновности или невиновности.

– Так по многим серьезным делам, – сказала Катя. – Простите, я не совсем понимаю. Куда я должна ехать?

– Поселок «Маяк». Туда едет группа экспертов во главе с Сиваковым, они вас сейчас захватят с собой.

– Там разбойное нападение на дом и тяжкие телесные со смертельным исходом.

– Да, именно так.

Катя смотрела на замначальника главка, ожидая, что он скажет еще. Может, пояснит – к чему весь этот странный туман. Но замечание, которое он выдал, ее еще больше озадачило:

– Вы очень успешно работали в Новом Иордане, – сказал Горобцев. – Я навел справки. Умно и тактично. Обошлось без всяких ненужных инсинуаций.

Катя молчала. По убийству в Новом Иордане одним из подозреваемых проходил священник.

– По сегодняшнему происшествию я бы попросил тоже проявить максимальную сдержанность в освещении фактов до разбирательства по существу, – сказал Горобцев.

– Но меня, как представителя пресс-центра, можно вообще не допускать. – Катя решила прояснить для себя ситуацию.

– Нет, вопросы все равно возникнут. И там сотрудникам потребуется помощь. А вы широко образованны, вы будете полезны. Вам предстоит работать со следователем следственного комитета Страшилиным. – Горобцев помолчал. – Я его знаю по прошлым делам, по министерству. Он... не подарок. Но вам предстоит найти с ним общий язык. И действовать вместе в интересах дела.

– Хорошо. Я сделаю все возможное.

– Да, и чисто личная просьба... Страшилин – очень сильный сотрудник, редкий профессионал. Мы были друзьями... Но он сложный человек. Так что не принимайте близко к сердцу. В общем, просьба у меня такая...

– Да, я слушаю.

– Старайтесь не давать ему пить.

Чего-чего, а такого от замначальника главка Катя не ожидала. За пьянство могли уволить, вышибить из органов – сейчас с этим очень просто. Но тут, видно, случай иной.

Она ждала экспертов с машиной и собиралась. Надо же, и посоветоваться-то не с кем! Полковник Гушин – шеф криминальной полиции – в отпуске. В «Маяке» этом она тоже никого не знает, не бывала там никогда прежде. Может, эксперт Сиваков, опытный и мудрый, что подскажет по пути?

Эксперты приехали без Сивакова. Тот, оказалось, уже работает на месте происшествия – прибыл туда вместе с сотрудниками ОВД «Маяк» и даже успел поругаться со следователем Страшилиным.

Катя, притаившись на заднем сиденье служебной машины, ощущала себя так, словно она отправляется в пасть ко львам.

Но она и представить себе не могла, *какие странные, пугающие, загадочные события впереди.*

Глава 6

Соседи Балашовы

Марина и Олег Балашовы провели отличный вечер в Москве, смотрели балет в музыкальном театре имени Станиславского и Немировича-Данченко вместе со своими старыми знакомыми, а после спектакля пошли в бар и у этих самых знакомых заночевали.

Утром Олег Балашов поехал на работу в банк, а его супруга после приятного завтрака с подругой и долгого шопинга по московским магазинам во второй половине дня на машине вернулась в коттеджный поселок «Маяк», где дома вместе с двумя их детьми оставалась няня Равшана.

Сворачивая на дорогу в поселок с Ярославского шоссе, Балашова внезапно поняла: что-то случилось, что-то не так. Машины ГИБДД на въезде и вообще слишком много авто на обочине. Что-то произошло на соседнем участке.

Загнав машину в ворота, Марина Балашова вошла в дом. Дети играли на террасе, няня Равшана готовила им полдник на кухне. Балашова спросила, что случилось в их отсутствие. Нянька только плечами пожала – не знаю. Таджичка Равшана плохо изъяснялась по-русски. К ее услугам Балашовы прибегали лишь в крайнем случае, когда не с кем было оставить дома их маленьких детей.

Марина срочно позвонила мужу по сотовому:

– Слушай, тут такое дело...

– Опять, что ли, на дороге заглохла? – недовольно спросил тот. – Я же сто раз учил тебя на повороте в горку...

– Нет, нет, с машиной все в порядке, я дома, – перебила его Марина. – Но тут полно полиции.

– Где?

– У соседа. Я из окна вижу. Полицейские машины у забора и какие-то люди во дворе.

– Что ты паникуешь?

– Я не паникую, Олег, я просто решила тебе позвонить. Там что-то случилось. Что-то нехорошее.

– Это не наше дело.

– Но они... полиция, могут прийти, спросить.

– Пусть приходят.

– А что мне им говорить?

– Слушай, Марин, я занят сейчас, надо документы готовить к собранию правления банка.

– Ты не слушаешь меня. Я тебе повторяю – тут полно полиции, что-то случилось. И они... они уже идут сюда, к нам на участок. Я их вижу: в калитку звонят. Олег, что мне им говорить? Ничего?

Муж на том конце провода помолчал.

– Ничего или как? – повторила Марина. – Давай быстрее решай, ты же у нас всему голова. Иначе потом загрызешь меня – чего совалась, кто тебя за язык тянул. Мне их послать?

– Нет. Это чересчур, – сказал Олег Балашов. – Нам это может повредить. Сама знаешь, как слухи по поселку разносятся. А тут у нас такие люди живут. Надо беречь репутацию. Сначала нужно узнать, что там стряслось. И ты, пожалуйста, успокойся, Мариша. Не психуй. Возьми себя в руки, соберись.

– Да я понимаю. А потом? Что мне говорить полиции?

– Ну, скажи о том, что мы вчера с тобой видели перед отъездом. В принципе нас это ни к чему не обязывает. Мы же видели, правда? Кстати, это не было чем-то необычным или неординарным.

– То есть не стоит мне молчать, лучше настучать? – прямо, без обиняков спросила Марина.

– Я прошу тебя успокоиться.

– Олег, я просто не хочу во все это влезать. Ты сам ведь понимаешь, что мы...

– Да надо сначала узнать, в чем там дело. Спроси их сама, прежде чем что-то болтать.

– Хорошо. Только ты уж не ругай меня потом, – жалобно попросила Марина, – и лучше, если ты сам приедешь.

– Я работаю допоздна, сегодня заседание правления банка. Ты уж там сама... И думай, прошу тебя. Включи мозги.

– Я постараюсь, – кротко пообещала Марина. – Ну все, я пойду им открывать. Полицейские уже звонят.

Глава 7

Труп в коттедже

Поселок «Маяк», которым Катя прежде никогда не интересовалась, так как он ни разу не попадал на страницы криминальных сводок, оказался местом приятным для взора. Чувствовалось, что многое тут построено в последнее десятилетие и с чисто европейским комфортом. Следовательно, и люди здесь проживали не бедные.

Катя, пока ехали по Ярославскому шоссе, сверилась с навигатором – что хоть за район такой? Железнодорожная станция Тридцать второй километр, следующая – Каблуково. А вокруг в полях пригородные новостройки – кондоминиумы и коттеджные поселки, небольшие рощи, придорожные супермаркеты и торговые моллы.

Один из экспертов-криминалистов сообщил, что в этих местах лишь две достопримечательности – живописная речка Соловьевка около «Маяка» да женский Высоко-Кесарийский монастырь, находящийся в процессе реставрации. Катя пропустила это замечание мимо ушей. Не до достопримечательностей сейчас. Дело какое-то, кажется, мутное.

В отличие от поселков-кондоминиумов в чистом поле, «Маяк» утопал в зелени солидных участков. На въезде стояли патрульные машины ГИБДД, инспектор указал улицу – вон туда, к тому коттеджу.

Улицу успели перегордить полицейской лентой. Катя вместе с экспертами пошла к дому пешком, оглядывая окрестности.

Заборы и ворота тут не глухие, а очень изящные. Какие-то участки великолепно ухожены, со стриженным осенним газоном, другие запущены – палые листья, разросшиеся кусты. Осень в Подмосковье – яркая и умиротворяющая.

Кругом очень тихо.

– Вы мне тут не указывайте, пожалуйста, я сам знаю, как надо работать по таким делам!

Раскатистый баритон эксперта Сивакова Катя узнала бы из тысячи. Он с кем-то громко спорил в открытых дверях двухэтажного кирпичного коттеджа.

Катя очутилась во дворе. Обратила внимание на распахнутую настежь калитку, в которую входили сотрудники полиции. Дорожка вся в палых листьях, двое экспертов сразу же приступили к ее осмотру.

Следователь Андрей Страшилин, это который «не подарок»... Это, видно, с ним скандалит Сиваков. Катя прислушалась – ну-ну, Сивакову палец в рот не клади, при нем сам полковник Гушин, шеф криминального отдела, кроткий как ягненок. Ах, как не хватает сейчас тут полковника Гушина, как назло, в отпуске!

А этот Страшилин... надо же, фамилия какая... Катя морально готовила себя к чему угодно. После того, как замначальника главка попросил ее удерживать следователя-профи от пьянства (!), она ожидала увидеть такого Бармалея – хриплого, небритого, разухабистого грубияна с полицейской портупеей под мышкой и с сивушным амбре.

Эксперт Сиваков скрылся в доме, Катя еще чуть помедлила, собираясь с духом. Сначала осмотрим коттедж снаружи – очень хороший, просторный, двухэтажный, с террасой и большим окном, крытый металлочерепицей. Входная дверь массивная, со множеством замков. Сейчас она, как и калитка, распахнута настежь. Катя оглядела дверь и притолоку – вроде никаких явных признаков взлома. Впрочем, она же не эксперт, могли и ключ подобрать.

– Вы чего здесь высматриваете, девушка?

Катя обернулась.

Перед ней стоял руки в боки таким «фертом» высокий, массивный, темноволосый, очень полный, почти квадратный мужчина в сером костюме при галстук и расстегнутом беже-

вом плаще. На вид – лет сорок, хотя полнота могла его и старить. Лицо с резкими волевыми чертами, однако с двойным подбородком. На переносице красовались очки в массивной темной оправе. И вообще весь вид этого типа был совсем не «полицейский», не «следовательский». Так выглядят юристы по корпоративному праву или сотрудники банков – типичнейший раскормленный «яппи». Во всем облике – этакая полнейшая консервативность и... склонность к весьма правильному, размеренному, чуть ли не лениво-расслабленному образу жизни.

Таким Катя впервые увидела Андрея Аркадьевича Страшилина.

– Я смотрю, нет ли следов взлома.

– Их нет. Что дальше?

– Капитан Екатерина Петровская, прибыла по распоряжению руководства главка оказывать помощь и содействие оперативной группе в деле информационного сопровождения расследования и...

– А, это вы. Славка по телефону промямлил что-то нечленораздельное, что спеца пришлет, который умеет работать там со всякими-разными.

«Славка» – это так именовался замначальника главка? Катя выпрямилась – ну да, тот тоже обмолвился, что они «были друзьями».

– Всякие-разные, это кого вы имеете в виду? – спросила она.

– Разберемся по ходу следствия. Страшилин Андрей Аркадьевич. – Толстяк широким чисто мужским жестом протянул Кате «пять». Катя, слегка опешив, руку ему пожала.

– Только если будете ныть и падать в обморок, лучше сразу ноги в руки и назад на Никитский, – сказал Страшилин, оглядывая ее поперх очков.

– Не станет она ныть. И в обморок тут особо нечего падать. Чисто сработано.

Эксперт Сиваков, снимая использованные резиновые перчатки, снова появился на авансцене.

– Привет, Екатерина.

– Ой, здравствуйте. А что здесь случилось-то? Я в сводке читала – разбойное нападение на коттедж. И вроде как убили хозяина.

– Тяжкие телесные. Голову разбили, но он жил еще несколько минут после нанесения ударов. С момента смерти прошло от шестнадцати до двадцати часов. Да, поздновато его обнаружили. Полдня тут в доме пролежал бедолага, – сказал Сиваков. – Проходи в дом, полюбуйся. Труп у книжных стеллажей.

Катя робко зашла в дом. Уютно, тот, кто здесь жил, имел достаток. Терраса, кухня с гарнитуром «дубовая классика». Но на мебели и вещах налет пыли – тут, видно, редко убирались. И пол особо не мели. Сор на полу, покрытом ламинатом.

С террасы – лестница на второй этаж. Но на ступеньках – стопки старых журналов и газет, видно, наверх особо не поднимались. Жили внизу. Справа вход в небольшую комнатку с кроватью – это спальня. А прямо – двери в просторную гостиную, занимающую основную площадь коттеджа.

Катя увидела камин – из потухших углей что-то торчало и возле работал эксперт. Она перевела взгляд: книжные стеллажи, неновый массивный диван, кресла. Справа у двери плетеное кресло, и оно опрокинуто.

Домашние тапочки – засаленные, клетчатые.

Ноги в темных брюках и серых носках.

Труп на полу у книжных стеллажей. От Кати его заслоняли работавшие эксперты.

И справа участок пола был прикрыт полиэтиленом.

– Кого убили-то? – тихо спросила Катя.

– Как и написано в вашей сводке – хозяин коттеджа. Илья Ильич Уфимцев, пенсионер, судя по паспорту, документы в доме нашли, не похищены они – ему семьдесят семь лет. Проживал тут в поселке постоянно, а не только в весенне-летний период. Что ж, в таком доме

можно жить. Здесь у них газ стационарный, водопровод, горячая вода, городской телефон, все удобства.

Это заявил Страшилин – словно обвиняя, что владелец слишком хорошо устроился.

– Ограбление? – спросила Катя.

– Смотрите сами, делайте выводы. Похоже это на ограбление?

Катя оглядела комнату еще раз. Кресло перевернуто – это да. Легкое, плетеное кресло-качалка. Но вся остальная мебель на месте. Книги с полок не скинуты, ящики в шкафах и на кухне не выдвинуты. В вещах особо не рылись.

– Не очень. А что в камине?

– Настольная лампа с мраморной подставкой, – ответил Сиваков. – Судя по всему, именно ею потерпевшего и ударили дважды по голове – один удар в лицо и один сбоку. Увы, не порадуя вас тем, что нападавший был левшой. Зацепка была бы, да, и какая, как в детektивах? Но нет, нападавший обычный правша. Удары нанесены с большой силой. Да, из особых соображений – нападавший примерно одного роста с потерпевшим или чуть ниже. У убитого рост высокий, но он старик, судя по всему, сильно сутулился, горбился, спина уже плохо держала.

– Ударили, а потом лампу сунули в камин? – уточнила Катя.

– Хотели избавиться от отпечатков. Что ж, все гениальное – просто. Избавились, лампа успела сильно обгореть, прежде чем огонь в камине потух. Абажур полностью сгорел. Ну, есть хоть что-нибудь? – обратился Сиваков к работавшему у каминщика эксперту.

Тот отрицательно покачал головой. Нет образцов, пригодных для идентификации.

– Заберем в лабораторию, – сказал Сиваков Страшилину.

– Я жду от вас результатов вскрытия.

– Я знаю, что вы ждете, – ответил Сиваков. – Я труп забираю. Хочешь полюбоваться, Екатерина?

– Ой нет, спасибо. – Катя оглянулась на место у стеллажей, которое продолжали загорать эксперты.

Ноги... старческие ноги в серых носках и старые тапочки.

– Он один тут жил? А где его семья?

– Выясняем, – отрубил Страшилин. – Слушайте, вы много вопросов сразу задаете. Вы ведь репортер пресс-центра. Но прислали вас сюда не статью писать, а помочь прояснить некоторые вопросы. Хотя я не очень понимаю, почему именно вас сюда, как десант, на парашюте спустили.

– Я тоже не очень это понимаю пока, Андрей Аркадьевич, – тихо сказала Катя. – Простите за назойливость, но можно еще спросить? Где именно стояла лампа?

– А где бы вы ее сами поставили, чтобы было удобно?

Катя прошла в центр комнаты. Диван, журнальный стол, кресла. Уютный уголок. Она наклонилась и поискала глазами у плинтуса розетку. Вот она.

– Правильно. Слепой бы догадался, – хмыкнул Страшилин. – Старичок любил сидеть в кресле под лампой. Книжечки читал. А потом его по башке шарахнули этой самой лампой. Документы из дома не пропали. Насчет ценностей... будем выяснять. Сядьте на диван.

– Что?

– Там книга на столе. Собственно, из-за этого, как я понимаю, вас сюда и направили. Последнее, что он читал перед смертью, когда к нему пришел визитер.

– Он, получается, сам пустил в дом убийцу? – спросила Катя.

– Следов взлома нет.

– А ключом могли открыть...

– Ничего там этого нет. Он дверь открыл сам. И калитку тоже. С калиткой, впрочем, надо еще разобраться.

– Выходит, этот Уфимцев знал своего убийцу?

– Слушайте, девушка, сядьте на диван, закройте хоть на минуту рот и вникните, там книга, которую он читал. Я хочу знать, что все это значит.

– Что вы так с ней разговариваете? – вскинулся Сиваков. – Это что за тон?

– Все, все! – Катя смиренно подняла руки. – Я сейчас все почитаю, что нужно. Можно будет вам потом позвонить по результатам вскрытия? – спросила она у Сивакова.

Тот кивнул, смерил Страшилина испепеляющим взглядом и удалился в сторону трупа, который собрался забирать в морг.

Катя скользнула на диван. Жесткий. Кресло напротив – продавленное, с засаленной подушкой. Судя по всему, излюбленное место хозяина в этой комнате.

Толстая книга в коричневом переплете раскрыта примерно на середине. Страшилин протянул ей резиновые перчатки. Катя молча взяла их и натянула. Только так можно касаться сейчас этой книги. Потому что она вещдок? Но почему?

Она снова оглядела комнату. Чего-то ей пока не говорят – ни этот Страшилин, ни Сиваков. Что-то тут есть, что-то не так. И от нее это пока скрывают.

Она посмотрела на название книги. Библия. Потерпевший Уфимцев читал Библию.

И блудили они... блудили в своей молодости. Там измяли груди их, и там растлили девственные сосцы их...

Труп старика эксперты упаковали в черный пластиковый мешок. В комнату вкатили носилки. Труп погрузили на них и повезли к входной двери. Катя была рада, что она не видела лица убитого. Она хотела запретить себе даже оглядываться сейчас, пока носилки скрипели, преодолевая порожек между комнатой и террасой. Но все равно оглянулась – последний траурный катафалк...

Огола блудила с любовниками, потому что они спали с нею в молодости ее и растлевали девственные сосцы ее, и изливали на нее похоть свою...

– Библия, открыта на двадцать третьем стихе Книги пророка Иезекииля, – сказала Катя, – пророк повествует о «сестрах одной матери» Оголе и Оголиве, считая их блудницами. Тут на странице я вижу отметки, судя по всему, ногтем их делали.

– Весьма живописное описание порока. – Страшилин смотрел на нее поверх очков. – Не находите, что выбрана старичком для чтения весьма пикантная история?

– Стих двадцать третий дает метафорическое описание, Андрей Аркадьевич. Фактически пророк Иезекииль имел в виду под сестрами Оголой и Оголивой два библейских места, два города, погрязших в разврате с иноземцами.

– Где такое сказано?

– В комментариях к Книге пророка Иезекииля.

– Но потерпевший не комментарии читал. Он читал эти вот абзацы про «измятые груди» и «излитую похоть».

– Может, он как раз дошел до этого места?

– А не специально его выбрал из всей Библии?

Катя молчала. А что тут скажешь? Нет, что-то не так, что-то нечисто со всем этим убийством... Они тут говорят «убийство», но сразу оговариваются – тяжкие телесные со смертельным исходом. Но пока никак это ей не поясняют. И что Страшилин так прицепился к этой книге, к двадцать третьему стиху?

– Ну, какие у вас соображения? Я жду, – нетерпеливо бросил Страшилин. – Есть какие-то догадки на этот счет?

– Насчет Оголы и Оголивы? Нет.

– Ладно, хоть быстро пояснили, кто это такие.

– Я так понимаю, что пока очень мало информации, – осторожно заметила Катя. Ей совсем не хотелось выглядеть душой перед этим чертовым следователем, похожим на нотариуса из Сити!

– В общем, если хотите, можете быть свободны.

– Мне уезжать в главк?

– Я вас тут более не держу.

– Но меня послали к вам, помочь и...

Катя встала с дивана. Стянула резиновые перчатки.

– Запретить вам здесь находиться и участвовать я не могу.

– Андрей Аркадьевич, я...

– Ладно, не обращайтесь внимания. У меня паршивое настроение с утра. Со всеми лаюсь, как пес цепной. – Страшилин снял очки.

Без них он выглядел гораздо моложе. Но он тут же водрузил их снова на нос. Квадратный и толстый человек. Нелюбезный. Катя с тоской поняла: они никогда с ним не сработаются.

– Если мало информации, надо ее добывать. А тут никто ни черта не делает, – подытожил Страшилин. – Есть свидетели – соседи. Сейчас мы ими и займемся.

– Мы?

– Вас же приставили ко мне. Ох, начальнички! – Страшилин покачал головой. – Не приказывали в гражданских рамках меня стараться удерживать?

– Нет, мне ничего такого насчет вас не говорили. Вы старший следственно-оперативной группы. Я, правда, очень сожалею, что начальника криминальной полиции полковника Гущина с нами сейчас тут нет.

– Старый болван мне только бы палки в колеса ставил. – Страшилин указал на дверь. – Прощу.

Они вышли из коттеджа, в котором остались лишь эксперты.

Страшилин снова указал, как полководец, – теперь уже через участок на соседний дом.

– Хозяйка только что из Москвы на машине вернулась, – сказал он, – Балашова. Сначала опросим ее.

– Балашовы его мертвым обнаружили, да?

– Нет. Но начнем опрос именно с них.

– Почему?

– Да потому что они вчера смылись отсюда. Первые «что», «как» и «почему» к тем, кто смылся. Вы не находите это правильным с тактической точки зрения?

– Н-не знаю. Нет.

– А забавным? – И Страшилин впервые улыбнулся совсем притихшей Кате.

Глава 8

Свидетельские показания

Для того чтобы попасть на соседний участок, примыкающий к саду Уфимцева, пришлось выйти на улицу и обогнуть весь застроенный квартал, дойти до другой улицы.

Полный Страшилин шагал быстро, Катя еле за ним поспевала. По пути он все время разговаривал по мобильному – видимо, с сотрудниками местного ОВД.

У калитки Балашовых их ждали – участковый и патрульный, они уже звонили в звонок. Ограда тут была ажурной, увитой диким виноградом, и ухоженный участок хорошо просматривался.

– Иду, иду, я сейчас. – На крыльце появилась молодая блондинка в джинсах и спортивной куртке.

– Полиция, откройте, пожалуйста.

– Конечно, конечно. – Блондинка спустилась, подошла и открыла калитку.

– Вы гражданка Балашова? – спросил участковый.

– Да, я, а что случилось?

– У нас к вам вопросы, можно зайти в дом? – Страшилин попер на нее своим массивным корпусом, оттесняя в глубь участка.

Коттедж Балашовых – точно такой же, как и у Уфимцева, отметила Катя. Видно, строились по единому проекту одним застройщиком. Но тут на участке все как-то новее, не так захлавлено.

– Вы ведь только что вернулись домой на машине, – с ходу спросил Страшилин. – Что за необходимость назрела срочно уехать из дома?

– Не срочно, мы давно собирались... у нас билеты в театр...

– Где ваш муж?

– На работе. Он в Москве остался.

– То есть вы хотите сказать, что полсуток вас не было с мужем дома?

– Я... мы в театре, потом у друзей... Но что произошло?

– Уфимцев Илья Ильич – ваш сосед – убит.

– Сосед? – Блондинка закрыла рот ладонью. – Как... кем?

– Почему вы вчера с мужем так внезапно уехали? – спросил Страшилин.

Задавая вопросы, как выстрелы, он оттеснил Балашову к крыльцу, затем в холл.

В светлом просторном доме все совсем не так, как в доме убитого. Наверху пищат, смеются маленькие дети. Телевизор работает. Из кухни пахнет яблочным пирогом с корицей. Катя невольно вздохнула. Уютно и тепло тут. Нет, вряд ли здесь живут убийцы старика.

– Я же вам говорю: мы давно собирались с мужем в театр. У нас билеты на балет. Я вам покажу сейчас. – Балашова ринулась искать сумочку.

– Хорошо, хорошо, билеты в театр, понятно...

– Мы пошли с друзьями, потом посидели в баре после спектакля, выпили все. Какая уж дорога домой ночью, если и я выпила, и муж? Мы остались у друзей, они в центре живут. Утром муж мой пошел на работу, а мы с подругой поехали в Охотный Ряд. Я купила домашнюю одежду на осень-зиму себе и детям.

– Сколько детям лет?

– Пять и три года.

– С кем вы их оставили?

– У нас няня. Хорошая девушка из Душанбе. Позвать ее?

– Потом. Во сколько вы уехали?

– В пять или в начале шестого. Спектакль в семь начинался, мы только-только успели – дорога вся забита.

Страшилин кивнул.

– Соседа, Уфимцева, хорошо знали?

– Нет. Мы позже приехали, дом купили у прошлого владельца. А старик жил уже здесь. Я слышала, у него сын – дипломат высокопоставленный, это его дом.

– Сын приезжал?

– Ни разу его не видела.

– Что, Уфимцев жил совсем один?

– Да.

– Ни родственников, ни знакомых?

– Его соседка навещала – пожилая дама из дома напротив. Но редко.

– С вами он общался?

– Здоровались на улице. У нас участок, дальше его участок – не кричать же через забор.

– А вчера вечером вы ничего подозрительного не видели перед отъездом?

– Подозрительного – нет.

– А не подозрительного? – спросил Страшилин.

– Простите, у нас тут в поселке живут уважаемые люди, и мне бы не хотелось, чтобы меня неправильно поняли. Что я сплетни распускаю или какие-то домыслы глупые.

– Человек убит. – Страшилин оглядел блондинку Балашову. – От подозрений, домыслов и сплетен теперь все равно не убережешься. Так что было вчера? Почему вы так поспешно улизнули в Москву?

– Да не поспешно, что вы в самом деле? Вот билеты! – Балашова вспыхнула и потрясла вечерней сумочкой, схваченной с кресла. – Наведите справки, когда я их через агентство заказала – за две недели до спектакля! А вчера где-то в пять часов я сама видела – к старику приходил какой-то человек.

– Какой человек?

– Не знаю. Вроде тоже пожилой. Зеленая куртка болоньевая и серая кепка. Старик! Я гараж открывала – там у нас такой угол косой, хорошо просматриваются оба участка – нет деревьев. И я видела их обоих во дворе.

– Старик в зеленой куртке и серой кепке?

– Да. Они потом пошли в дом.

– Ссорились, спорили?

– Нет, тихо все было.

– Старика этого знаете?

– Нет. Первый раз видела.

– Какой он – высокий, маленький, толстый, худой?..

– Такой же, как и Илья Ильич. Тщедушный старик. Да, одежда такая... в общем неважная на нем. Илья Ильич всегда аккуратно одевался, щеголем до самой старости. А этот бедный старичок.

– Так, ладно. Теперь позовите, пожалуйста, вашу няньку.

– Равшана, поди сюда! – крикнула Балашова.

Из кухни вышла молодая смуглая женщина в переднике.

– Она по-русски не очень, – предупредила Балашова.

– Вчера вы с детьми тут одна остались? – спросил Страшилин.

– Да, да, – няня закивала.

– И что?

– В девять.

– Она детей укладывает в девять, у них режим.

– Вы что-нибудь видели?

– Темно, – няня развела руками.

– Вы имеете в виду – свет погас?

Катя насторожилась. А это что-то новенькое – про свет.

Няня закивала.

– Я спать тоже, – сказала она, – и утром тоже света нет долго.

– Я так поняла, что вчера вечером погас свет в поселке, – объяснила Балашова. – У нас в некоторых домах сауны, джакузи, нагреватели мощные, а линия одна. Как вечером народ приезжает, врубает все сразу, вот иногда щит и не контактит. Правда, когда я сейчас вернулась из Москвы, свет уже дали.

– Совершенно верно, – согласился Страшилин. – Что ж, спасибо вам за помощь следствию.

– Скажите, а кто его убил? Воры? – тревожно спросила Балашова. – Я тут целый день одна в доме с нянькой, с детьми... Поневоле станет страшно. Или его этот убил, кого я видела вчера?

– Мы его найдем, – пообещал Страшилин. – Балет-то вам с мужем понравился?

– «Сон в летнюю ночь». Замысловато. Мне понравился, а муж, простите, зевал.

– Вот так и случается в жизни, что самые интересные события мы порой пропускаем.

– Интересные события? – Балашова нахмурилась.

– Убийство соседа.

Кате показалось, что Страшилин пояснил это свидетельнице довольно цинично.

Глава 9

Следы

Катя не задавала никаких вопросов. Она и не надеялась, что Страшилин станет подробно объяснять ей все – не тот, кажется, человек.

Она просто молча слушала и не строила пока ни версий, ни выводов. Слишком мало информации.

Когда шли обратно к коттеджу, Страшилин разговаривал с участковым. Тот объяснял: в поселке немало пожилых. Дети работают в столице, а в коттеджах живут их «дедки и бабки», некоторые с прислугой, с сиделками. Пенсионеры в основном сидят на своих участках, но многие гуляют – до речки и обратно, до магазина и обратно. Это такой традиционный моцион. Магазин местный – вообще магнит притяжения. Многим старикам там и не надо-то ничего, дети, родственники все на машинах привозят. Но поход в магазин – это как лекарство от постылой загородной скуки – делать-то в поселке особо нечего. Вот «стародежь» и бредет в центр поселка – там магазин, там поселковая администрация, там сплетни, новости, встречи, разговоры.

Насчет пожилого мужчины в зеленой куртке и серой кепке надо поспрашивать именно там. Туда также любят приходить и отдыхающие из муниципального санатория для пожилых и ветеранов «Соловьево». Среди отдыхающих поискать тоже стоит.

Участковый распрошался со Страшилиным у калитки и вместе с сотрудниками ОВД отправился на поиск незнакомца. А Страшилин даже в дом не стал входить – вызвал эксперта-криминалиста. Сиваков уже уехал, и в доме остались лишь его подчиненные.

Эксперт, молодой, чрезвычайно деловитый, вышел на крыльцо покурить. Страшилин протянул ему свою пачку сигарет. Они закурили оба. Страшилин выпустил дым колечками.

На смирную Катю он, кажется, вообще не обращал внимания. Ан нет, поглядывал.

– Прошу прощения, сигарету?

– Нет, спасибо, я не курю, – сказала Катя.

– Я дважды бросал, неудачно, – сообщил Страшилин и повернулся к эксперту. – Что у нас со следами?

– Два фрагмента, особо на этом не разбежишься.

– Идентичные?

– Нет, разные, – сказал эксперт. – По крайней мере, тут в доме помимо хозяина побывало еще два человека.

– Мужчина и...

– Нет. Мужских следов мы не нашли. Оба фрагмента следов женских, – сказал эксперт. – Передняя часть – носок. Все признаки указывают на то, что это женская обувь.

– То есть две женщины приходили к Уфимцеву? – переспросил Страшилин.

– Именно.

– Ну, одну-то из них мы, возможно, знаем.

Катя проследила взгляд – Страшилин смотрел на дом напротив. Маленький одноэтажный особняк из силикатного кирпича под зеленой железной крышей. Участок весь зарос. У невысокого забора-сетки теснились рябины. Их алые грозди полыхали, как факелы.

– Мадам Глазова восьмидесяти двух лет, – изрек Страшилин. – Вы умеете разговаривать со стариками?

Катя поняла, что это вопрос к ней.

– Умею. Они любят, чтобы их слушали до конца, как бы длинно они ни излагали суть происшедшего.

– А, вот даже как. – Страшинин снова выпустил дым колечками и смял сигарету. – Ну тогда поможете мне сделать этот допрос покороче.

Глава 10

Сестра Пинна

Сестра Пинна убиралась на монастырской кухне одна. Сегодня ее очередь, в паре с ней на кухне должна убираться сестра Агафья, но у той неожиданно высоко подскочило давление. Она приняла капотен и ушла к себе в келью.

Сестра Пинна не огорчилась и не расстроилась. Она мыла большие кастрюли, чистила противни, драила плиту и оба духовых шкафа. Затем развела в ведре средство для мытья полов и взялась за швабру. Их тут не сто человек, в Высоко-Кесарийском монастыре. Монахинь мало. Много очень пожилых – гораздо старше по возрасту, чем даже игуменья Евсевия.

Что ж, убраться за всеми, поработать ради всех – это достойный труд. А сестра Пинна не боялась физической работы. Она была крепкой.

Да, она слыла сильной. Всегда. И сейчас, и в прошлом.

Особенно в прошлом.

В монастырской кухне широко открыты все форточки. Пахнет свежим хлебом. Слышны отдаленные детские голоса. Это в детском приюте, который патронирует Высоко-Кесарийский монастырь, у девочек-воспитанниц кончились уроки.

В ясные дни уроки физкультуры проводят на спортивной площадке приюта – девочки играют в волейбол и баскетбол. Сестра Пинна предлагала для уроков спорта свои услуги. Но настоятельница Евсевия... да... а особенно сестра Римма это не одобрили. Да и маленькая сестра Инна – самая младшая из них – сказала: «Зачем тебе это? Нам не об этом надо думать. О приюте есть кому позаботиться, ты сама знаешь».

Сестра Пинна с усилием и великой тщательностью мыла кухонный пол. Швабра в ее сильных руках – что пушинка.

Свежий октябрьский холодный воздух льется в окно кухни.

Детский смех...

Это все как-то оживляет.

Некоторые вещи действуют ободряюще, как чашка хорошего крепкого кофе, который сестра Пинна, наверное, не пила целую вечность.

А раньше она без кофе не могла и дня... Что дня – даже глубокой ночью, особенно после соревнований, когда болело все тело, руки, костяшки пальцев, она вставала и варила себе в кофеварке крепчайший эспрессо.

Но все это в той, прежней, жизни, которая отринута.

Костяшки пальцев разбиты... это все, что осталось в напоминание о тех яростных, ярких, славных, проклятых днях, которых нет.

Но которые невозможно, немислимо забыть. Сколько ни молись. Сколько ни проси.

На трибунах – ни одного свободного места. Стадион полон.

Где же это? Мюнхен? Или Гамбург? Нет, это Загреб. На трибунах – сплошь мужчины. Женщин мало – это в основном «подруги» – блондинки в розовом, с крохотными собачками на руках. Псинки испуганно тарашатся на происходящее и даже не лают, не скулят.

Потому что крики с трибун, оглушительный рев на всех языках грохочет, как море о скалы.

Чемпионат Европы по женскому боксу. Яблоку негде упасть. Все билеты раскуплены. Финал соревнований.

Она в финале... еще один бой, и она...

Запах едкого пота.

Ринг.

Тело как тугой узел мускулов. Словно свитые веревки под кожей... Руки... Руки – это лучшее оружие на все времена.

Это не драка двух женщин на ринге, за которой с ревом, свистом, хохотом и бранью наблюдает весь стадион. Это бой за чемпионский титул.

Сестра Пинна аккуратно прислонила швабру к стене. Выпрямилась. Глянула на свои руки – крупные, с мозолями, с разбитыми костяшками пальцев.

Кости снова болели, мозжили. Она потерла кулак о кулак, как всегда делала раньше.

Потом открыла настежь окно в кухне, чтобы сырой пол просох. И долго стояла на сквозняке. Не молилась, ничего не просила, просто смотрела из монастырского окна на мир.

Как там, в миру, ветер срывает желтые листья с деревьев.

Как они летят и падают.

Падают, чтобы сгинуть, умереть на земле, словно ненужный сор.

Глава 11

Наблюдательница жизни

Домик из силикатного кирпича под зеленой крышей казался необитаемым, но ровно до тех пор, пока Страшилин громко не постучал в калитку. «Тоже нет сплошного забора, – отметила про себя Катя, – в «Маяке» они друг от друга не отгораживаются».

– Откройте, пожалуйста! Это полиция, – оповестил домик из силикатного кирпича Страшилин громко и внятно.

Тишина. Долгая пауза. У Кати сложилось впечатление, что их разглядывали из окна – во-о-он там справа, украдкой из-за шторы.

– Да иду, иду, я не бегун олимпийский, чтобы на крыльях летать. Подождите, иду!

Старческий женский голос – слегка дребезжащий, капризный, но все еще звучный, с повелительными нотками.

Скрипнула входная дверь, и через пару минут на садовой дорожке появилась маленькая старушка в длинном вязаном кардигане и черных брюках.

– Любовь Карловна Глазова?

– Она самая.

– Следователь Страшилин Андрей Аркадьевич, а это моя коллега из главка капитан Петровская. Нам надо с вами поговорить о вашем соседе Уфимцеве.

– Да уж, сколько я сегодня о нем с вашими сыщиками говорила.

– Я в курсе. Но это не считается, – хмыкнул Страшилин.

– Нам надо с вами посоветоваться, выслушать ваше мнение, Любовь Карловна, – сразу подключилась и Катя.

Он же... Страшилин попросил ее помочь!

– Я и так с утра вся на валокордине. Племянница звонит – тетя, что у вас такой голос? Опять нездоровится? А что я ей отвечу – в доме напротив соседа убили и я труп нашла? – Глазова доковыляла до калитки. – Входите. Пойдемте в дом, там тепло.

– Значит, это вы нашли убитого? – спросила Катя. – Да, представляю, каково это.

– Заходите, заходите в дом. Я сейчас на улице после всего чувствую себя незащищенной. Скверно себя чувствую, – сказала Глазова. – Все думаю: поперлась туда к нему сегодня, старая дура, а что, если бы...

– Что если? – спросил Страшилин.

– Убийца все еще там, в доме. – Глазова оглянулась на кирпичный коттедж Уфимцева. – Врагу таких мыслей не пожелаю.

Катя заметила, что Страшилин, идя сзади, внимательно разглядывает обувь старухи. Уличные разношенные туфли на ней – когда-то дорогие, из хорошей кожи, но сейчас уже старые, стоптанные. Удобная дачная обувь. Туфли без каблука – острый носок.

В домике – три комнаты и маленькая терраса. Кругом странная смесь порядка и захлапленности – этакой полосой и «углами».

– Садитесь, – Глазова указала на стулья вокруг большого обеденного стола, – разговор-то долгий, я чувствую.

– Вы хорошо знали Уфимцева? – спросил Страшилин.

– Сосед, десять лет как тут живем окна в окна. – Глазова откинулась на спинку стула, она рассматривала Страшилина и Катю оценивающе – что еще за птицы такие служат в полиции? Стоит дело разговоров-то с ними или тупые они, как пни?

– Чем он занимался?

– Ничем. Мы здесь все сверстники, считайте, что в последнем отпуске перед тем, как, ну... – Глазова усмехнулась, – последний парад наступает. А раньше-то он работал, стране служил. У нас тут потомственные служаки сплошь – отцы наши служили, мы служили, дети служат... Внуки, из этих еще надо посмотреть, что получится. В основном бездельники. Здесь у нас такое место. Как в капле воды все видно – прозрачно, лишь бы не замутить.

– Что? – спросила Катя.

– Настоящее, прошлое. – Глазова вздохнула. – Я вот, знаете ли, по профессии доктор философии и по второй профессии переводчик с китайского. А по жизни-то я наблюдатель этой самой жизни. Вот отсюда, не выходя из поселка, можно такие выводы делать – от частного к глобальному. От простого к сложному.

– Вы одна тут живете? – задал свой вопрос Страшилин нетерпеливо.

– Живу одна. У меня сестра в Москве – доктор медицинских наук, офтальмолог. И племянница – тоже врач. Они меня не оставляют. Мы с сестрой из семьи репрессированных. Домик этот нам корпорация одна щедрая на ваучеры построила. У других-то ваучеры прахом пошли, а нам повезло. У нас тут уж так в «Маяке»: вон на той улице дома – там старая либеральная интеллигенция, некоторые тоже из семей репрессированных. А напротив – потомки бывших комиссаров НКВД и потомки тех, кто Беломорканал проектировал. Там вон дипломаты. На следующей улице деятели бывшего Совмина, еще советских времен, – у этих дети сплошь банкиры, такие там особняки!.. Все новое, все по-европейски у них. Участки здесь немаленькие, сами видите, от Москвы недалеко. Так что золотой наш поселок. А те улицы нувориши скупают активно – менеджеры там разные, бизнесмены, депутаты. Ждут, когда здешнее старичье вымрет, а наследники за границу улимонят, эту недвижимую продадут. В общем, народ здесь непростой, сами видите. И чтобы у нас в поселке убили кого-то... Я еще понимаю нувориша – этого, который пришлый, банкир или там денежный туз, это разборки. Но чтобы такого человека, как Илья Уфимцев!

– Кто у него из близких?

– Сын. Он мне про сына только говорил – мол, в МИДе на высоком посту.

– И больше никаких родственников? – спросила Катя.

– Он сына при мне лишь упоминал. Не знаю, может, кто и есть.

– Но кто-то ведь ему помогал вести хозяйство? Или что же, он совсем один в таком большом доме?

– В основном-то один. Но помогали ему регулярно. Приходили. Приезжали, продукты привозили и вообще навещали.

– Кто?

– Да эти матушки-монашки, – сказала Глазова.

– Кто? – Страшилин снял очки.

– Матушки-монашки. Монастырь тут у нас Высоко-Кесарийский рядом. Они там все реставрируют, и над приютом шефство ведут, и с социальной службой местной у них то ли договор, то ли просто благотворительность – здешним одиноким пенсионерам помощь оказывают.

– И вам тоже?

– Ну, у меня с верой все как-то сложно. Философский факультет все же за плечами, почти полвека преподавательского стажа. Хотя против помощи кто ж возражает? Мне за восемьдесят. Иногда так плохо себя чувствуешь – а надо в магазин. А тут приехали матушки, они там хлеб вкусный пекут и вообще... Разговоры всякие душеспасительные... Я-то давно ко всему готова уже. И к свету, и к пустоте – в зависимости от обстоятельств, – Любовь Карловна хмыкнула. – А вот сосед мой был, так сказать, на распутье.

– Так, подождите, значит, вашего соседа регулярно навещали монахини местного монастыря, – оборвал ее Страшилин. – Когда вы их видели тут последний раз?

– Да и не припомню уже, – ответила Глазова. Она плотнее запахнула кардиган. – Вы у тех соседей лучше поинтересуйтесь.

– У каких соседей?

– Которые забор в забор.

– Балашовы, что ли?

– Да. Новые наши соседи.

– Я с Балашовой только что беседовал. Она ничего ни про каких монахинь не упоминала.

– Странно. Как странно, – сказала Глазова. – А она с ними общается, я знаю. У нее дочка, так она по воскресеньям водит ее туда, в приют, – типа воскресного подготовительного духовного класса. Хоть и маленькая еще девочка, а она ее водит. И насчет того, что Уфимцеву матушки-монашки помогали, соседи в курсе.

– Ну, хорошо, давайте вернемся ко вчерашнему вечеру и сегодняшнему утру, – попросил Страшилин. – Я хочу, чтобы вы рассказали все максимально подробно, ничего не пропуская.

– Ничего не пропуская? Подробно? У меня болел зуб вчера, – доверительно сообщила Любовь Карловна. – Не знаю, что делать, у меня на нем весь мост держится. Если удалять, то это надо все по новой у дантиста. А мне восемьдесят два! И потом, это сумасшедшие деньги сейчас рот чинить. Прямо не знаю, что делать. Я приняла две таблетки обезболивающего и прополоскала рот шалфеем. Вроде немножко отпустило, но не надолго, и я...

Страшилин снова водрузил очки на нос и глянул на Катю: она поняла сигнал, обещала делать допрос старухи-болтуни коротким, так делай, помогай.

– Вчера к Уфимцеву около пяти часов приходил гость – пожилой мужчина, – сказала Катя, – вы его видели?

– Никаких гостей я не видела. Я в пять смотрела передачу – про суд и потом переключилась на «Культуру» – там документальный фильм о Марине Цветаевой. Знаете, мой отец... он косвенным образом знал... нет, не ее, а ее мужа, Эфрона, и ее любовника, того, кто в Испании воевал. Так что я сидела тут...

– У телевизора и не наблюдали жизнь окружающих? – улыбнулась Катя.

– Так ведь не все сразу. – Любовь Карловна усмехнулась. – А что за гость-то Илью Ильича навещал?

– Будем устанавливать его личность.

– Устанавливайте. Но только это не он его... ну, прикончил-то. Илья вечером – уж стемнело давно, время девять – живой был еще.

– Вы его видели?

– Нет. Он телевизор врубил громко. У нас улица маленькая, окна в окна, когда он громко включает, я все слышу.

– Который был час? – уточнил Страшилин.

– Девять примерно. Я как раз себе новую порцию шалфея заварила для зуба. Потом выпила горячего чая, хотела дожидаться фильм «Красотка» – он поздно. А тут у нас свет вырубился. Это случается по вечерам, народ с работы из Москвы приезжает, понавключают всю технику сразу.

– И дальше что? – спросила Катя.

– Ничего. Не со свечками же сидеть, зуб больной баюкать. Я приняла еще таблетку и пошла спать. Проснулась поздно, около одиннадцати. Это я летом рано встаю. А сейчас октябрь, зимой вообще могу проспять до обеда. Силы коплю на вечер. – Старуха усмехнулась. – Раньше я работала как лошадь – к лекциям готовилась, читала, переводила с китайского. А сейчас и желания нет книжку в руки взять. И вижу-то я ведь неплохо – у меня дальновзоркость. И раньше видела хорошо. А вот ведь какая-то эмоциональная усталость просто...

– Свет утром, когда вы встали, так и не дали? – спросил Страшилин опять же нетерпеливо.

– Нет, вы представляете, что за безобразие! Это сколько же мы тут за электричество переплачиваем, если посчитать, все эти коммунальные аварии. Я встала, умылась. Смотрю – холодильник мой потек на кухне. Туда-сюда, хотела племяннице звонить, чтобы она сегодня приехала. Ан телефон мой мобильный разрядился – и зарядить не могу, света нет. И я решила пойти к Илье Ильичу – у него дома стационарный телефон проведен.

– А у вас стационарного нет? – уточнила Катя.

– Не сподобились мне поставить на ваучеры-то. – Любовь Карловна хмыкнула, – зачем? Вроде мобильный хорошо ловит. Связь есть. Ан вот когда нужно, ее и нет. И я пошла к соседу. Захожу во двор...

– Калитку как вы открыли? – спросил Страшилин.

– Как? Обыкновенно – толкнула и вошла. Не заперто.

– А он что, не запирает калитку?

– Знаете, последнее время – нет. Прикроет плотно и сверху на эти, как их – ну палки от забора и калитки, железное кольцо накинёт.

– Он воров не боялся, значит? Сейчас все запираются. Вон и вы тоже.

– У меня щекотка на калитке обычная, кому надо – тот просунет руку и откроет сам. А сосед мой Илья Ильич... я же говорю – на перепутье он был, на большом перепутье...

– Любовь Карловна, на каком перепутье? – поощрила ее Катя.

– Одиночество, старость... одинокая старость, вам не понять это пока. Потом поймете, возможно. Умереть в одиночестве без помощи... тут уж не до запертых калиток и дверей. В общем, калитку он в последние месяцы не закрывал.

– А железное кольцо? – спросил Страшилин.

– Не висело оно наверху. Я свободно вошла. Более того – и дверь была в дом не заперта – так только прикрыта. Но я сначала-то стала звонить в дверь. Он не открывает. Я нажала на ручку – смотрю, открыто. Я вошла, спрашиваю: «Илья Ильич, вы дома?» Думала, может, он наверху, правда, он редко на второй этаж поднимался. Прохожу дальше мимо кухни в комнату – батюшки, а он на полу. Я подумала, с ним плохо. А тут вдруг ка-а-ак грохнет!

– Что? – Катя снова подключилась к допросу.

– Свет внезапно дали, и телевизор прямо у меня над ухом как грохнет – включился – а там стрельба, фильм. Верите, у меня сердце просто оборвалось. Я думала, сама там упаду. Ухватилась за что-то. В комнате вонь от какой-то гари. Он на полу. А потом я кровь увидела и... в общем я бросилась вон. Кричу, как полоумная: помогите! А кто поможет? Соседей нет, нянька у них все время с этими штуками в ушах свою таджикскую музыку слушает, когда детям готовит. Побежала я на угол к Серебряковой Полине – та, к счастью, дома и сын ее. Только проку-то от сына ноль. У Серебряковой муж был замминистра, дом отстроил, денег в Австрии в банки положил уйму. А сын – пьянь пьяню. Как отец умер, вообще с катушек слетел. Не работает нигде – так, в фирме числится, приезжает сюда, в «Маяк», на дачу – день в бане парится, потом день пьет в одиночку. А Полина-то ведь какая красавица была в свое время – музыковед, а сейчас иногда на пару с сыном пиво тянет, мужа, толстосума, все оплакивает.

– И вы от них позвонили в полицию? – Катя осторожно сворачивала разговор. – Да?

– Я, я сама вам позвонила и Полина. Сын-то ее ни бе ни ме ни кукареку с похмелья.

– Значит, вы что-то трогали в доме Уфимцева, когда вошли? Дверную ручку, потом то, обо что вы опирались, – сказал Страшилин. – Очень прошу вас помочь нам и дальше. К вам эксперт наш придет, снимет отпечатки. Это обязательная процедура в ходе следствия.

– Хоть сейчас снимайте. – Любовь Карловна протянула к ним руки – маленькие, старческие, сухонькие, в роскошных старинных перстнях, таких необычных для «простой дачной жизни». – Чего я там касалась, не помню. Я до смерти испугалась. Сначала-то подумала – с ним плохо, а как увидела кровь и... В общем, я панически испугалась. И там еще так мерзко пахло гарью. Что, убийца дом хотел поджечь, что ли?

- Убийца избавлялся от главной улики, – сказал Страшилин.
- Какой? – спросила Любовь Карловна.
- От орудия убийства.
- А чем же это Илью прикончили?

Катя поняла, что если сейчас не поставить точку и не откланяться, наблюдательница жизни Любовь Карловна заговорит их вусмерть. Как все пожилые дамы ее возраста, она жаждала приключений и чужих тайн.

Глава 12

Гость

– Вот ведь вроде ничего особенного – поселок как поселок. Улица как улица, люди как люди, – сказал Страшилин, когда они покинули домик из силикатного кирпича под зеленой крышей.

– Комфортабельное, обжитое место, – ответила Катя.

– Я не об этом. Лгут нам без зазрения совести – прямо в глаза.

– Лгут?

– Конечно. – Страшилин снова достал из кармана плаща пачку сигарет. – Старая перечница что-то недоговаривает. А эта блондинка-соседка вообще не стала упоминать о весьма важных обстоятельствах.

– Но это же не ложь, – возразила Катя.

– Терпеть не могу такие вот места. – Страшилин закурил, – как в паутине тут все.

– По-моему, очень красивое место, тихое.

– То-то и оно, что тихое, а старика убили. А соседи врут. Ладно, поедем поедим, – сказал Страшилин вдруг без всякой связи.

– Что?

– Обедать поехали. Вы что, воздухом питаетесь, как хамелеон в старых легендах? Сейчас три часа. Так и язву недолго заработать. Тут пока и так все зависнет на какое-то время.

– Надолго?

– Пока этого гостя не установят, если, конечно, Балашова нам не врет и он действительно был.

– С чего ей врать-то?

– С того, что в доме женские следы, – ответил Страшилин. – Ладно, один след наверняка Глазовой, которая тело нашла. А вот кто другая?

– Эксперты могут сравнить... идентифицируют...

Страшилин лишь пыхнул дымом в ответ.

– Нет? Невозможна идентификация? – Катя смотрела на кирпичный коттедж, где продолжали работать эксперты. – А мы что же с вами, уже уезжаем?

– Ни в коем случае. Мы лишь отъедем обедать. Или как хотите. – Страшилин глянул на Катю, – можете в главк чесать.

– Нет, я тоже проголодалась, – сказала Катя кротко.

Ей стало интересно – что же все-таки здесь такое? Зачем начальство подключило ее? Не из-за пары стихов Библии ведь. И почему Страшилин так убежден, что соседи Уфимцева им лгали? Она вот ничего такого в показаниях ни Балашовой, ни старухи Глазовой не заметила. Что же заметил Страшилин?

Не заходя на участок, они дошли до начала улицы, Страшилин приподнял полицейскую ленту, которая все еще ограничивала въезд. На бетонке, пересекающей поселок, ведущей к магазину, к реке и к выезду на Ярославское шоссе, – полицейские машины.

Страшилин подошел к синему «Форду», пикнула сигнализация.

– Садитесь.

Катя села рядом с ним впереди. Отъехали они, что называется, «недалече» – примерно в трех километрах от «Маяка» в направлении Москвы на Ярославском шоссе – огромный торговый центр, а там видимо-невидимо кафе и точек фастфуда.

Страшилин выбрал «Бургер-кинг». Катя взяла себе яблочный сок, салат с тунцом и кусок пиццы в «Сбарро».

Наблюдая за тем, как Страшилин садится, ставя перед собой поднос с двумя огромными двойными бургерами с жареным луком и беконом, сочащимися жиром, как он с волчьим аппетитом откусывает от них, жуёт и запивает все это крепким кофе из картонного стакана, Катя чувствовала такую тоску!

Страшилин ей категорически не нравился. Более того, он ее раздражал. Катя внушала себе, что это антипатия с первого взгляда. Еще надо возблагодарить судьбу, что он сейчас пьет просто кофе, а не хлещет коньяк. Замначальника главка ведь предупреждал ее. По виду, конечно, никак не скажешь, что Страшилин – пьяница. Но внешность обманчива. Начальство не стало бы говорить зря и бросаться такими намеками.

Как можно есть эти жареные бургеры...

Катя вяло, без аппетита ковыряла пластиковой вилкой салат с тунцом. Тоже не ахти как вкусно.

– Что вы так сразу скисли? – спросил Страшилин, уминая жареный картофель из корочки. – Расстроились, что свидетели – лгуны? Так они всегда и везде лгуны. По всем делам. Никто никогда не желает говорить полной правды. У всех всегда либо шкурный интерес, либо нежелание впутываться, либо вина в содеянном.

– Вина? – спросила Катя. – Вы что, Глазову в убийстве подозреваете? Или Балашову?

– Я просто привык в делах об убийствах не особо полагаться на свидетелей сначала. Потом, в процессе, когда больше фактов появится, – можно. Сравнить показания, понять, кто меньше врет. А в начале – нет. И вам не советую.

– Если честно, я пока мало что вообще понимаю, – призналась Катя. – Я и трупа толком не видела. Какой он был, этот старик Уфимцев. Видела лишь ноги, носки да тапочки его.

– Натe, полюбуйтесь. – Страшилин достал из кармана плаща паспорт.

Паспорт убитого.

С фотографии на Катю сердито и напряженно смотрел пожилой мужчина – длиннолицый, с залысинами и тонкими поджатыми губами. В облике сквозила отчужденность и властность.

– Что хотите на десерт?

– На десерт?

– Пирожное? – Страшилин улыбался.

– Нет, спасибо.

– А я буду сладкое.

Он встал и снова направился к рядам фастфуда в кафе. Вклинился в маленькую очередь у кондитерской витрины. Катя видела, что он оживленно говорит с кем-то по мобильному. Ему потребовалось сделать срочный звонок – и чтобы она не слышала, с кем он там трепется.

Катя опять глянула на фото в паспорте. Уфимцев Илья Ильич... вот вы какой, ну здравствуйте, вы, наверное, сейчас уже на небесах, оттуда смотрите на нас, как мы тут расследуем. Кто же это так внезапно отправил вас на тот свет?

Страшилин снова вернулся с подносом – на нем еще один стакан кофе и маффины. Он словно никуда пока не торопился с обеденного перерыва.

Прошел час, Катя уже откровенно скучала, оглядывая шумный, переполненный народом кафетерий торгового центра. И тут у Страшилина зазвонил мобильный.

– Есть? – спросил он. – Ага, сейчас подъеду.

– Новости? – встрепенулась Катя.

– Возможно, нашли посетителя, приходившего к Уфимцеву в день убийства. Судя по описаниям внешности – вроде похож.

Поехали назад в поселок «Маяк», однако с Ярославского шоссе Страшилин свернул немного раньше – на узкую бетонку, увидившую, как потом узнала Катя, к речке Соловьевке. Тут на берегу реки почти рядом с поселком располагался большой подмосковный санаторий. Старинная дворянская усадьба – главный корпус в стиле ампир с колоннадой и львами и более

современные кирпичные корпуса. Ничего общего с новыми отелями и кемпингами, время тут словно застыло. Но кругом все очень чисто – прямые асфальтовые дорожки в парке среди лип и дубов, скамейки, которые в этот погожий осенний день после обеда в столовой санатория оккупировали отдыхающие.

Страшилин остановился у ворот, и они прошли на территорию санатория. За воротами их встретил участковый.

Катя отметила, что в парке и на скамейках в основном очень пожилые люди. Старики читали газеты, разговаривали, некоторые играли в шахматы, другие медленно прохаживались по аллеям парка – пожилые супружеские пары, старушки, оживленно что-то обсуждающие между собой. Что? Детей, внуков, пенсии, болезни, врачей, назначенные процедуры.

– Я справился в магазине поселка, – доложил участковый, – там продавщица вспомнила покупателя из числа отдыхающих – пожилой, одет в зеленую болоньевую куртку, кепка. Тут сейчас поговорили с администрацией на рецепции – возможно, по описанию это некто Шамшурин Василий Петрович. Здесь его можно разыскать обычно после обеда, он заядлый любитель шахмат.

Из главного корпуса вышла дежурная, она направилась к старикам, игравшим на скамейке в шахматы, и помахала участковому рукой – сюда, мол.

Катя увидела среди шахматистов пенсионера в зеленой болоньевой куртке. Однако он был без кепки, с непокрытой головой – абсолютно лысый, азартный, он весь, казалось, ушел с головой в шахматную партию.

– Василий Петрович!

– Что?

– Василий Петрович! – громко окликнула его дежурная по корпусу. – К вам пришли, вас тут полиция спрашивает!

– Что?

Катя поняла: старичок глухой. Интересно, как это Страшилин начнет его допрашивать сейчас – это кричать надо на весь парк.

– Василий Петрович, добрый день! – громко поздоровался Страшилин. – Можете уделить нам пару минут?

– Что? Ох, сейчас, погодите, надо отрегулировать. – Старик приложил руку к уху.

Катя поняла – там у него миниатюрный слуховой аппарат.

– Я, когда в игре, отключаю, чтобы ничто не отвлекало. Так вы по какому вопросу ко мне, товарищи? – Шамшурин спросил это тоном прежнего очень важного начальника.

– Мы дело уголовное расследуем, – громко, не понижая голоса, объявил Страшилин – неизвестно, какой мощности в ухе у старика «слухач». – Вы в поселке «Маяк» бываете?

– В поселке-то? Да, хожу. В магазин. Магазин там неплохой у них.

– А вчера ходили?

– Да, утром после процедур. Как раз вафли купил, и колбаса у них там тоже...

– Вы знаете Илью Ильича Уфимцева?

– Кого?

– Уфимцева Илью Ильича!

– Нет. А кто это? – старик с искренним недоумением воззрился на Страшилина.

– Он живет, то есть проживал в поселке «Маяк».

– Не знаю я никакого Уфимцева.

– А в «Маяке» у вас есть какие-нибудь знакомые?

– Нет никого. Я сам из Ногинска, у меня тут льготная путевка, процедуры, я сам почечник, – сказал Шамшурин. – Никого я в поселке не знаю, там такие хоромы отгрохали себе эти новые русские – ой-ой-ой... Но магазин у них там хороший, и не дорогой – это надо отдать должное. А что случилось-то?

– Ничего. Спасибо, вы уж извините, что побеспокоили вас на отдыхе.

– Да я не в претензии, только что случилось? С чего это вдруг полиция ко мне?

Страшилин снова извинился. И они отошли от шахматной скамейки. Страшилин зашагал к воротам.

– Я так и предполагал, – хмыкнул он, – вранье все это.

– Насчет визитера? – спросила Катя. – Думаете, Балашова намеренно нам солгала?

– И наврала, и про одну весьма важную деталь умолчала, а вторая свидетельница, Глазова, про эту деталь нам как раз поведала. Но вот умолчала тоже о многом. И важном.

– С чего вы так решили, Андрей Аркадьевич?

Катя впервые назвала его по имени-отчеству.

– С того, что мы сейчас на место убийства вернемся. И вы сами все поймете.

Они уже садились в машину, чтобы ехать к коттеджу Уфимцева, как вдруг из ворот снова показался участковый.

– Есть еще один здешний отдыхающий, схожий с описанием, с приметам, – сообщил он. – Я в третьем корпусе был, он у них проживает. Тоже по льготной путевке от муниципалитета. Некто Горлов Аристарх Семенович. Он сейчас после обеда на процедурах, придется полчаса подождать, если хотите допросить и его.

Страшилин глянул на часы. Катя видела – заминку с ожиданием он считает пустой тратой времени, потому что убедил себя в лживости показаний Балашовой. Однако...

– Ладно, раз приехали, потянем все пустышки до конца. Считайте, Катя, что мы тут просто бьем с вами баклуши – в парке возле чертовой речки. Вы любите бить баклуши?

– Не очень, – ответила Катя, отметив, что и Страшилин впервые назвал ее по имени и даже больше – «по-свойски».

Надо ли считать это за прогресс в их деловых отношениях?

Страшилин снова закурил и, насвистывая, медленно тронулся к третьему корпусу – мимо колоннады и львов, выкрашенных пугающе свежей белой краской.

Катя дошла до колоннады и села на скамейку. Тихий санаторий, пенсионерам тут неплохо. Молодежи совсем нет и детей тоже. Это специально для пенсионеров место отдыха, место покоя.

Тихий санаторий возле тихого комфортабельного поселка. Тихая золотая осень в Подмосковье.

А старика убили...

– Ну, пора, можно брать штурмом эту их процедурную, – пригласил Страшилин. – Время, время, цигель, цигель, айда.

Через гулкий пустой холл корпуса они прошли к лифтам, тут уже снова ждал вездесущий участковый, он и повел – на третий этаж, по коридору, устланному ковровой дорожкой, мимо врачебных кабинетов.

Из одного только что вышел пожилой мужчина в сером спортивном костюме с полиэтиленовым пакетом – в нем махровое полотенце и резиновые тапки-шлепки, так показалось Кате.

– Аристарх Семенович Горлов? – спросил участковый.

– Да, я. – Старик с усилием опустился на кожаный диван, стоящий в коридоре. – Ох, ноги не идут, дайте дух переведу после массажа.

Катя разглядывала его – ни зеленой болоньевой куртки, ни кепки, конечно, тут в корпусе. Но, вероятно, носит он эту одежду, так что подходит по приметам. Участковый здешний хорошо работает. По таким приметам полгода можно свидетелей искать, а он сразу постарался – только, кажется, все свидетели не те. Страшилин уверен, что соседка Уфимцева солгала, и никакой гость в тот вечер у него не появлялся.

– Аристарх Семенович, вы Илью Ильича Уфимцева знаете? – спросил Страшилин.

– Да. Я... а вы кто?

Катя присела на дальний конец дивана. Так, Страшилин, вы не гений сыска и не провидец. Вот он, ваш свидетель, – в натуре, а не плод вранья.

– Я старший следователь следственного комитета Андрей Страшилин, а это мои коллеги из полиции области. – Страшилин тоже присел на диван.

– Из полиции? Ко мне? А что случилось?

Катя разглядывала Горлова – лет за семьдесят пять ему, это точно, и выглядит неважно – лицо землистое, все в морщинах. Волосы седые коротко, аккуратно подстрижены, и стрижка сделана совсем недавно, скорее всего это работа здешнего санаторного парикмахера. В таких местах парикмахерские услуги для пенсионеров на льготных условиях, дешевы. Спортивный костюм чистый, но заношенный, вылинявший.

– В каких отношениях вы с Уфимцевым?

– Работали вместе когда-то... давно... в хороших... А что произошло?

– Вы когда его последний раз видели?

– Вчера. Он тут живет, в поселке «Маяк». А я приехал отдыхать по путевке. Мы встретились с Ильей вчера... Что случилось?

– Уфимцева убили.

– Убили? Охxxx...

Горлов откинулся на спинку дивана, лицо его с землистого стало белым, он схватился за сердце.

– Ох... Погодите... как же так... Ох, сердце схватило... нитроглицерин... в кармане...

Катя сорвалась с места и ринулась в процедурный кабинет:

– Там отдыхающему плохо, сердце!

Из кабинета выскочила медсестра. А в это время Страшилин достал из нагрудного кармана старика палочку с нитроглицерином и уже скармливал ему горошинку.

– Аристарх Семенович, дорогой, что с вами? – причитала сестра. – Я говорила, надо уменьшить нагрузку. От процедур порой неожиданный эффект.

Горлов сосал нитроглицерин.

– Вы его так на тот свет отправите, – шепнула зло Катя Страшилину. – Разве так можно со стариками?

– А вы кто, простите? – спросила медсестра у Кати. – Родственница?

– Мы из полиции по уголовному делу.

– Из полиции здесь, в медучреждении?

– Ох. Немножко отпускает... отпустило. – Горлов начал массировать грудь с левой стороны. – Ох, горе... Илья... Да объясните же мне наконец, что случилось?

– Уфимцева убили в его собственном доме, – сказал Страшилин. – Во сколько вы с ним встречались, где?

– В поселке, я же говорю, я приехал в санаторий по путевке. А он живет в «Маяке». Он пригласил меня к себе домой.

– В какое время?

– Вчера после обеда, у меня не было процедур. И я решил его навестить. Он приглашал. Он ведь совсем один живет, сын у него за границей работает. Мы посидели. Вот ведь возраст, хвори – выпить даже не можем, как раньше встречу отметить. У меня сердце, инфаркт перенес. Он, Илья, тоже весь больной, в артрите.

– Как долго вы пробыли у Уфимцева?

– Ну, пока говорили... посидели, потом я в санаторий засобирался, к ужину чтобы успеть, ходок я медленный, а тут моцион солидный. Где-то час, полтора. Он вышел меня проводить. – Горлов переводил свой взгляд со Страшилина на Катю, потом на медсестру, которая не уходила назад в процедурный. – Как же так? Кто его убил? Когда?

– Кто – будем разбираться. А убили вчера вечером, – сказал Страшилин. – Вы, значит, работали вместе с Уфимцевым? А где?

– В партийных органах, только давно это было. Век назад.

– Я понимаю, вы постоянно живете где?

– В Москве, один. Жена умерла полтора года назад, детей у нас нет. Вот у Ильи сын, а что толку – словно и нет его. Он мне жаловался на одиночество.

– А еще какие-то родственники у Уфимцева есть?

– Внучка у него. Маленькая была, сейчас, наверное, давно выросла.

– А где она живет?

– Ничего он мне про нее не говорил. Может, тоже за границей? А может, в Москве. У Ильи квартира в Москве на Трубной. Я помню, как он ее получал, от Совмина, ему тогда выделили, потому что мы хлопотали и... Век назад это было, сейчас вряд ли кому-то интересны наши воспоминания.

– При вас к Уфимцеву вчера кто-нибудь приходил домой?

– Нет, никто. Мы вдвоем сидели, толковали. Он санаторием интересовался – хорошо ли лечат. В нашем возрасте это самое главное – чтобы лечили как следует. – Горлов продолжал массировать сердце. – У меня просто в глазах темно... как вы сказали – убили. За что? Безобидный человек, порядочный, работал всю жизнь, как вол.

– У него уютный дом, правда? – спросил Страшилин. – Он камин при вас зажег?

– Камин? Я уж и не помню. Я вошел в дом-то, а там тепло. Да, он же артритом страшным страдал, я же вам объясняю, при этой болезни тепло – самая важная вещь. Да, камин у него топился. А что? Почему вы спрашиваете?

– Мы пытаемся установить точное время убийства.

– А вы что, не установили еще? Ох да, я понимаю, непросто все это, – Горлов закивал. – Следствие... все не с бухты-барухты...

– Вы долго еще в санатории пробудете?

– У меня только первая неделя закончилась. Все процедуры... до конца путевки.

– Я запишу ваш домашний адрес и телефон, возможно, у нас еще возникнут вопросы, Аристарх Семенович.

– Конечно, конечно, пишите. – Горлов продиктовал. – Чем могу... рад помочь всегда... Ох, только вы уж не оставляйте этого дела так... найдите убийцу. Ох, Илья, Илья... кто знает, как оно все в жизни... страшишься умереть от болезни, а смерть-то, она вот тут...

– Аристарх Семенович, пойдете-ка я вас провожу до палаты, вам надо прилечь, а позже я попрошу сестру дежурную, она вам на ночь укольчик сделает. Пойдете, – сказала сестра из процедурного. – Вы уже закончили? Не видите, что ли, что человеку плохо?

Страшилин не возразил на это ни слова. Горлов встал и, опираясь на руку медсестры, пошел по коридору к лифтам. Ноги он переставлял с трудом.

Глава 13

Сестра Римма. Видения в удаленной часовне

В маленьком тесном помещении пахло известкой и краской. Так всегда в новостройках. Сестра Римма положила дверной замок и ключи на подоконник. У стены – стул, она опустилась на него передохнуть.

От Высоко-Кесарийского монастыря в удаленную часовню путь неблизкий. Она никогда не ездила сюда на монастырской машине, которую водили сестры. Только автобусом или маршруткой, а потом пешком.

Рабочих, возводивших часовню, рассчитали месяц назад. Спонсоры оплатили строительство, и сестра Римма поблагодарила их сейчас всех горячо, истово, про себя.

В тесном помещении душно. И она запыхалась от долгого пути. Провела рукой по лбу, смахивая капельки пота.

Как давно она не смотрела на себя в зеркало...

В монастыре это не принято. И в этом есть определенный смысл.

Но вся прежняя ее жизнь отражалась в десятках, сотнях зеркал...

Сестра Римма закрыла глаза. Балетный класс хореографического училища – огромное зеркало во всю стену и деревянный станок. Ей двенадцать лет, и она так старается на уроке...

В классе играет рояль – и раз, два, три, и раз, два, три...

Все четко и слаженно.

Домой из хореографического училища на короткие каникулы она в детстве возвращаться не любила.

Мать и отец... Она, раньше носившая совсем другое имя – не Римма, – всегда из родителей выбирала отца.

Возможно, потому, что видела его редко. Из детства какие воспоминания остались о нем? Запах дорогого одеколона и золотой перстень-печатка на пальце.

И то, что он всегда дарил ей отличные подарки. Такие, каких не имели ее приятельницы по балетному классу. Идея с балетом принадлежала целиком отцу, а не матери. Сестра Римма, в то время носившая другое, мирское, имя, просто сказала: «Хочу танцевать». И отец это устроил.

А потом устроил ее и в театр.

И раз, два, три...

Звуки рояля...

Зеркала...

Запах балетного пота.

И никаких молитв.

Тут, в удаленной часовне, они еще не звучали. Тут вообще ничего пока нет – голые стены, свежая желтая краска.

Цвет золота, цвет осени, цвет увядания, цвет преддверия конца пути, когда все мы подойдем к тому пределу, что положен и назначен каждому.

Сестра Римма увидела своего отца на фоне желтой стены – таким, каким помнила его за день до смерти.

Дородный, пожилой, в домашнем бархатном халате, он сидел в роскошном кресле под светом лампы. Он говорил с кем-то по мобильному. И сделал ей жест – уйди!

Блеск золотой печатки на пальце.

Она послушно вышла из гостиной. Какой долгий, невообразимо долгий путь между той жизнью и этой – сестра Римма устала на подол своей черной монашеской одежды. И это

лишь середина пути. Она всего лишь на середине, столько всего предстоит еще сделать и создать...

И ничто и никто этому не помешает. Она позаботится об этом, она дала обет.

Где-то далеко прогрехотал поезд по железнодорожным путям. Станция Каблуково. Конечно, многое тут изменилось за столько лет, но отец всегда очень точно помнил это самое место. Он начертил подробный план и поставил на плане сначала точку, потом крестик. Странно, правда?

Вы спросите, что же тут странного?

Так ведь он сделал это не наяву, а в ее сне.

Да, да, именно, через столько лет после своей насильственной смерти он явился к ней, к дочери, его плоти и крови, во сне.

Тогда в монастырской келье было так же душно, как здесь. И тоже пахло свежей краской, только стояла на дворе не осень, а бурная шалая весна. Снег таял и тек ручьями, и в подмосковных полях орали грачи и галки.

Нет, нет, неверно: отец не приснился, она просто увидела его – так же ясно, как и сейчас на фоне этой желтой свежескрашенной стены.

Он выглядел так же, как в день убийства. Смерть не выносит грима, она реалист во всех деталях, пусть даже они и пугают.

Отец поставил на плане сначала красную точку, а потом, медленно водя пальцем, нарисовал крестик – вот здесь то самое место. Из пулевой раны на лбу все еще сочилась кровь – возможно, он использовал именно ее для рисования.

Не во сне, не в бреду, а наяву в том коротком ярком видении в тесной и душной монастырской келье.

Он ведь и при жизни всегда говорил об этом.

Сколько она слышала от него *о том, что случилось вот тут*.

Сестра Римма встала со стула и подошла к двери в подсобное помещение, открыла ключом – его она носила в своей сумке – черной, поношенной, но чрезвычайно удобной. Открыла дверь и включила тусклую лампочку – почти все, что нужно, уже привезли, и это находится здесь в ящике и картонных коробках. Скоро сюда придёт и самое главное. Она снова закрыла дверь на ключ. Обернулась.

Увидела себя на фоне желтой стены – той двенадцатилетней маленькой балериной у зеркала. Кто в детстве знает, как сложится его жизнь? Какие перемены предстоят? Как хорошо, что дети об этом не думают. Не думают они и о смерти... И о том, что самое страшное и беспощадное может быть милосердным...

На фоне желтой стены открылся алый бархатный театральный занавес. Балет «Жизель» – белые бесплотные тени на фоне кладбища, танцующие изящный французский менуэт...

Сестра Римма закрыла глаза – там, в театре, она не солировала никогда, не исполняла главные партии. Видимо, у нее не хватало куража, таланта и... даже отец с его связями и деньгами не помог ей подняться выше кордебалета.

А когда ее жизнь внезапно изменилась, она принесла с собой смирение и монашество. Но вместе с тем жизнь предложила лидерство, и сестра Римма его приняла.

Она взяла веник, стоявший в углу, и медленно начала выметать из часовни строительный сор – она ведь за этим сюда приехала, немного убраться. И как она сказала в монастыре – поразмышлять, помолиться в одиночестве.

Но молитвы подождут.

Собрав сор на совок, она широко распахнула дверь часовни, оглядела окрестности – то самое место.

Она нашла его.

Она сразу поняла – это именно здесь. И даже не явление отца и тот клочок бумаги с планом, а нечто гораздо более осязаемое и конкретное подсказало ей: это и есть то самое место.

Кто-то коснулся ее плеча.

Сестра Римма уронила совок – он с грохотом упал на бетонное крыльцо часовни, рассыпав сор по ступенькам.

Лишенная плоти, пожелтевшая от веков и тысячелетий кость – хрупкое запястье, украшенное золотыми браслетами...

Такой нежный, призрачный, почти обморочный звон золотых бусин...

Сестра Римма резко обернулась и прижала ладони ко рту, боясь закричать – неужели???

Но нет, никого... все пусто...

Голая желтая стена. Сестра Римма захлопнула дверь, пересекла часовню, рухнула на колени и прижалась к холодной твердой стене пылающим лбом.

Глава 14

Надпись

– Видите, оказалось, что соседка Балашова не лгала – вот он, тот посетитель, Горлов, – подвела итог Катя, когда они покинули лечебный корпус санатория.

Ей захотелось уколоть Страшилина – ишь какой: «не верьте свидетелям, люди лгут»... Ничего и не лгут, возможно, просто сразу с мыслями не могут собраться, как лучше рассказать об увиденном. И не надо, не надо, Андрей Аркадьевич, делать столь поспешные выводы.

– Да, любопытный старикашка. Хреноватенький, – ответил Страшилин. – За сердце сразу схватился.

– Убили его приятеля, а в этом возрасте смерть сверстников воспринимается особенно остро.

– И все-то вы знаете. – Страшилин открыл дверь машины. – Ладно, Горлов у нас на примете, но с ним позже разберемся.

– И куда мы теперь? – спросила Катя, усаживаясь.

– Обрато. Эксперты закончили работу в доме. И я хочу, чтобы вы увидели одну деталь, возможно, главную в этом деле.

И конечно же, после этой фразы весь короткий путь от санатория до дома Уфимцева Катя сгорала от нетерпения. Вот оно! Вот что она предчувствовала в этом деле – какой-то подвох. Что-то необычное, что сразу всех заставило взглянуть на это дело под совершенно другим углом.

Кирпичный коттедж встретил их тишиной – калитка распахнута настежь. Страшилин осмотрел ее. Эксперты действительно уже закончили осмотр и собирали оборудование.

– Что нового?

– Его мобильный пропал. Нигде нет, сколько ни искали, – ответил старший группы.

– Не факт, что он имелся у старика. Впрочем, сейчас редко кто не имеет. – Страшилин поднялся на крыльцо, Катя следовала за ним, подгоняемая адским любопытством. – Все звонки на его здешний домашний номер проверим, конечно. И насчет сотового попытаемся выяснить. Прошу вас, заходите, – он вежливо и широко распахнул дверь перед Катей. – Труп там нет, зато одна улика имеется.

Катя прошла в дом – и тут тоже после всей утренней оперативно-следственной суеты необыкновенно тихо и пусто. Кухня... Комната, где Уфимцева убили. Камин погас, остатков обгорелой лампы в нем больше нет – все это изъяли на экспертизу. Заношенных тапочек на полу тоже нет.

Вот место, где лежало тело. А вот тут участок пола до сих пор прикрыт полиэтиленом с маркером полицейской ленты.

Страшилин всем своим крупным массивным телом просочился между комодом и стоявшей у двери Катей, стараясь не толкнуть ее, и нагнулся. Сдернул полиэтилен.

Катя увидела на полу бурые пятна. Кровь... и справа...

Она наклонилась, чтобы лучше рассмотреть.

Бурые каракули.

Неровные, судорожно корявые буквы, явно написанные кровью.

Матушк...

Катя наклонилась совсем низко. Эта кровавая надпись...

– Что это, по-вашему? – спросил Страшилин.

– Матушка. Тут написано «матушка» без последней буквы.

– Вот именно.

– Это Уфимцев написал?

– Первое, что я проверил, когда увидел надпись, – его пальцы правой руки. Указательный и средний в крови. Первый удар лампой пришелся ему прямо в лицо, кровь потекла из носа, второй раз ударили его сбоку – у него тяжелая черепно-мозговая травма, но он жил еще несколько минут.

– И успел написать имя своего убийцы? – спросила Катя.

– Да, успел написать имя своего убийцы, – Страшилин смотрел на кровавые каракули, – или это убийца написал, используя руку Уфимцева, чтобы пустить нас по ложному следу.

– Если убийца прикасался к телу, осталась его ДНК.

– Необязательно. Но эксперты это проверят. Есть мысли по поводу надписи?

– Вообще-то да, – медленно сказала Катя, – но я пока воздержусь от высказываний.

– Да, пока воздержитесь. Мне не до пустой болтовни.

Катя вспыхнула, но Страшилин, казалось, этого даже не заметил.

– Книгу его, Библию, эксперты упаковали, это вещдок. Достаньте себе другую. Думаю, в ближайшем будущем мне потребуются ваши консультации, – Страшилин снова закурил. – Завтра я с утра займусь звонками в МИД, надо разыскать сына Уфимцева и сообщить ему о смерти отца и насчет внучки справки навести. А после обеда вы мне потребуетесь, так что будьте на месте.

– Запишите мой мобильный, – сухо сказала Катя. – А зачем я вам потребуюсь, если не секрет?

– Мы вернемся в поселок и посетим одно богоугодное заведение.

Глава 15

Домашние дела

Когда длинный, насыщенный событиями день позади, так хочется расслабиться. Катя открыла ключом дверь своей квартиры и бросила сумку на комод у зеркала. К дому на Фрунзенской набережной ее подвез Страшилин.

Сделал он это как ни в чем не бывало – Катя думала, что, покидая поселок «Маяк», они едут в главк, но за Кольцевой на Ярославском шоссе Страшилин спросил:

– И какой адрес?

– Что?

– Где вы живете? Не на работу же возвращаться, тем более что и день рабочий к концу. Вы устали.

Катя вздохнула и сказала: «Мне на Фрунзенскую набережную». А сама подумала: «Выгляжу, наверное, скверно, раз сразу заметил, что я вымоталась за день».

По дороге они почти не разговаривали. Страшилин никаких версий не озвучивал, ничего не обсуждал. Катя тоже помалкивала. Нет-нет да ловила его взгляд на себе в зеркале заднего вида.

– Хороший район, – отметил он, когда Катя попросила остановиться у своего дома на набережной, – Москва-река, Нескучный сад. Окна на набережную?

– Да, окна на набережную.

– Мама, папа?

– Нет, Андрей Аркадьевич, спасибо, что подвезли меня. – Катя выбиралась из машины.

– Муж?

Он спросил это как бы между прочим.

– Да.

– Ясно.

– Мы не живем вместе, – сказала Катя.

– Завтра в главке в два часа будьте на месте. – Страшилин глянул на нее снизу вверх – Катя выпрямилась во весь свой немалый рост, а он сидел за рулем.

– Конечно, у меня поручение оказывать вам помощь и содействие, Андрей Аркадьевич. Вот так и потолковали у дверей подъезда. Страшилин уехал, а Катя поплелась домой.

Дома она разделась, накинула махровый халат и включила воду в ванной. Горячая пена казалась панацеей от всего.

Катя ждала, пока ванна наполнится, потом собрала свои волосы на затылке, заколола шпилькой.

Дело, которое ей так неожиданно поручили, обещало быть сложным. И вряд ли какие-то материалы по нему предстояло опубликовать на страницах «Криминального вестника». По сути, для нее, как сотрудника пресс-службы, это дело – пустая трата времени. Однако ей приказано в нем участвовать. А приказы начальства не обсуждают.

Она легла в горячую воду. Бросила шипучую «бомбочку» с мятно-малиновым ароматом и закрыла глаза.

Осень...

Золото лип и кленов медь... как там в стихах...

Этот Страшилин... Весь день она смотрела на него с такой тоской, почти с неприязнью. А под вечер, довезя ее до дома, он так невзначай поинтересовался – замужем ли она. Ох, мужчины...

Катя подумала о муже, о Драгоценном В. А. Все вы, все вы, все вы одного поля ягоды. Ах, если бы вас не существовало на свете вообще. Но вы есть. И от вас порой одни неприятности.

Страшилин... Ну и фамилия... Однако сегодня в качестве буйного алкоголика он себя не проявлял. Но это ничего не значит. Замначальника главка предупредил ее. Выходит, есть основания. Так что надо держать с этим Андреем Аркадьевичем ухо востро.

Эта надпись на полу в комнате, где произошло убийство...

Эта надпись – свидетельство того, что с виду простое дело, возможно, окажется очень сложным. И надо готовить себя к этому.

Катя заколыхалась в воде – лениво, наслаждаясь, избывая усталость. Вот так отмывать каждый раз в душистой пене, в полном одиночестве в пустой квартире... Что ж, пока все так, без изменений.

Она вспомнила, как Страшилин улыбался – улыбка шла ему, однако...

Катя улыбнулась, шлепнула по воде рукой, затем решила, что хватит лениться, надо ужин приготовить и загрузить белье в стиральную машину.

После ванны, закутавшись в халат, она сидела на диване и красила лаком ногти на ногах. На ужин она ограничилась бутербродом с ветчиной и зеленым яблоком – они ведь обедали со Страшилиным и... в общем, возиться с готовкой после «Маяка» не было сил.

Кате не хотелось даже смотреть телевизор или ставить какой-то фильм на DVD. Лак на ногтях высох, и она закрыла ноги шерстяным пледом. Смотрела в темное окно. Ладно – будущее все покажет. Но дело обещает быть очень и очень непростым. Это словно предчувствие, хотя пока по убийству Уфимцева у них нет ни одного подозреваемого.

Глава 16

Сестра Инна

Некоторые вещи хочется забыть и не вспоминать никогда. Словно и не случилось это с тобой, не происходило на самом деле. Сестра Инна не любила вспоминать о многом. Вспоминая, она порой испытывала сильнейшие приступы паники, вот как сейчас.

В двадцать пять лет – много ли дурных воспоминаний? Оказывается, достаточно. Сестра Инна всегда старалась глушить дурноту работой. Вот и в этот вечер, когда на сердце кошки скребли, она занималась тем, что помогала обихаживать лежачую больную в поселке Каблуково. У больной имелась престарелая сестра, которая просто не справлялась одна. И Высоко-Кесарийский монастырь взял эту семью под свой патронат. Сестра Инна приезжала в Каблуково в дни своих социальных дежурств.

Больную только что перевернули на бок и начали осторожно менять простыни и подстеленную под них клеенку.

Сестра Инна помогала, руки ее так и мелькали – чистое белье, тазик с теплой водой, губка, медицинский спирт для протирки пролежней.

Воспоминания клубились внутри, как темная волна, и сначала вроде бы в них не было ничего такого...

Вот мать сидит в церковной лавке при храме в тихом московском переулке. В лавке пахнет как-то особо – ладаном, книгами, нагретым солнцем деревом. Инна приводит младших сестер из школы – в семье их пятеро. И вдруг у матери звонит телефон, и ей сообщают, что отец погиб. Отец – священник, ехал на машине и разбился в аварии. Все так просто и быстро. Был человек – и нет человека.

И потом все та же церковная лавка – несколько лет подряд. И она, тогда еще не сестра Инна, а мирская девушка с другим именем, помогает матери продавать свечи и собирать записки за здравие и упокой. Мирное житье, в чем же тут дурные воспоминания? Скорее легкая грусть об ушедших днях и снова – внезапный приступ острой тревоги...

Отец Варсонофий – священник и родной дядя – беседует с ней по-отечески кротко. Время, мол, идет, ты совсем взрослая, пора, пора выбирать в жизни путь. И нет для женщины богоугоднее и почетнее пути, чем участь жены и матери. Она – тогда еще девушка юная – особо не возражает: конечно, дядя, я понимаю. В семье пятеро детей, мать одна работает в церковной лавке, денег вечно в обрез. Я все понимаю, я согласна... Наверное...

Дядя знакомит ее с Кириллом. Тот учится в семинарии, скоро должен закончить курс и рукоположиться. Если дело сладится и они понравятся друг другу, то скоро и свадьба.

Сестра Инна встряхивает грязные простыни, которые только что сняла с постели больной, парализованной – запах от них едкий, запах плоти, запах распада и тлена.

У Кирилла мягкая улыбка и светлые глаза. Он скромненький, чрезвычайно умен, начитан и очень уклончив. Нет, скорее застенчив. Они видятся не очень часто, то есть совсем-совсем редко. Однако... дядя настаивает, и мать тоже шепчет каждый вечер – хороший парень, семья потомственных священнослужителей, как и наша, вы отличная пара.

Сестра Инна окунает в тазик с теплой водой губку и начинает осторожно протирать спину больной. Капли стекают на клеенку.

Свадьба... их свадьба с Кириллом... Ох, нет, пожалуйста, этого не нужно, не надо этих вот воспоминаний сейчас.

Но другие – еще темнее, еще хуже.

Больная слабо стонет. Она в таком состоянии, что любое движение, даже осторожное, любое прикосновение – даже бережное – причиняет ей боль и неудобство.

Стоны... эти стоны... Сестра Инна уже слышала их прежде. Тихие, беспомощные и – громкие, полные боли... Стоны...

– Какая вы заботливая, – говорит ей сестра больной, – что бы я без вас делала. Спасибо вам.

Сестра Инна скромно опускает глаза. Она обмывает недужное слабое тело и слышит... Стоны все громче...

Хочется захлопнуть дверь, чтобы не слышать их больше.

Дверь хлопает. Дверь закрыта.

– Что с вами? – спрашивает сестра больной. – Вы совсем прозрачная, может, как закончим, чаю со мной выпьете?

– Не откажусь, спасибо, – отвечает сестра Инна.

Она насухо вытирает тело больной полотенцем и надевает на нее свежую ночную рубашку. Затем несет тазик с грязной водой в ванную и выливает в унитаз.

Потом деловито разбирает сумки – благотворительную помощь от монастыря больной – полотенца, кое-какие медицинские препараты, пачки с памперсами, пластиковую посуду для кормления.

Там, глубоко в памяти, дверь... та дверь захлопнута, но не закрыта на замок и в любой момент способна открыться настежь.

Стоны боли...

Сестра Инна слышит их. Хочется закрыть уши ладонями. Но этот жест – он такой демонстративный, мирской. Жест испуга, жест отчаяния и страха. Нет, чтобы справиться со всем этим, есть другие способы. Она лишь в начале пути, но она сможет.

– Чай готов, – с кухни зовет ее сестра больной, – проходите, милая.

Кухонька крохотная, как и сама квартирка в хрущевке, все тут пропахло застарелой неизлечимой болезнью, все уже приспособилось, скукожившись и засохнув.

– Побудьте со мной, – сестра больной разливает чай по чашкам, – а то... честно вам признаюсь, страх меня порой берет по вечерам. Вдруг она умрет... как я тут с ней одна?

Глава 17

Запертая дверь

Леночка Уфимцева проснулась поздно и в состоянии жестокой тревоги. Она лежала в постели, укрывшись одеялом с головой, вжимаясь в подушку, стараясь словно стать меньше – и ростом, и массой тела.

Пыльная квартира, в которой не убирались уже много месяцев, давила тишиной на барабанные перепонки, но Леночка чувствовала – это затишье и пустота обманчивы. На какое-то время она уснула опять и в рваных отрывистых снах видела то, что давно пыталась забыть, отринуть от себя.

Некоторые поступки, нами совершаемые, – непоправимы, и впоследствии приходится платить за них...

Однако постепенно день взял свое. От долгого лежания в постели заломило спину и свело ноги. Леночка нехотя встала, прошлепала в ванную.

Она не стала принимать горячий душ, лишь умыла лицо и хмуро глянула на себя в зеркало.

И тут раздался звонок по мобильному. Звонили настойчиво, долго. Стоя в ванной, тупо глядя на воду, текущую из крана, Леночка не двигалась.

Она дождалась, когда телефон затих, и только потом взяла мобильный в руки. Отец... это звонил отец из своего заграничного далека.

Нет, с ним она пока не станет разговаривать.

Вяло возясь на кухне, инспектируя холодильник, Леночка понимала, что она совсем не чувствует голода. Есть не хотелось, но она ползала по кухне, как осенняя опоенная ядом муха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.